

Александр
Сорокин-Ильинский

К ЗЕМЛЕ НЕБЕС

ИЗБРАННОЕ

Москва
Академика
2016

УДК 882
ББК 84(2Рос—Рус)6-5
С65

Александр Сорокин-Ильинский (А.Е. Сорокин).

К земле небес. Избранное.

Издательство «Академика», 2016 год - 216 стр.

ISBN 978-5-4225-0116-8

Александр Сорокин-Ильинский (Александр Евгеньевич Сорокин) определяет свой художественный метод как метафизический реализм. Иными словами, действительность надо не отражать, а преображать. Но нельзя полностью отрываться и от первой реальности, уходя в отвлечённость. Здесь необходимо отыскать золотую середину, полагаясь на небесную интуицию.

Александр Сорокин-Ильинский автор шести поэтических книг: «Неравновесие покоя» (1993); «Изборник» (2001); «Обратная перспектива» (2005), включившая в себя переработанный вариант «Неравновесия покоя», а также последующие книги «В отечестве другом» и «Бесследная тропа»; «Снег тишины» (2009); «Глазами сердца» (2013); «Царская дорога» (2015). Он член СП России, лауреат IV Московского международного конкурса поэзии «Золотое перо».

УДК 882

ББК 84(2Рос—Рус)6-5

*Автор выражает искреннюю благодарность
Яну Иоаниди и Николаю Левашову
за помощь в издании этой книги.*

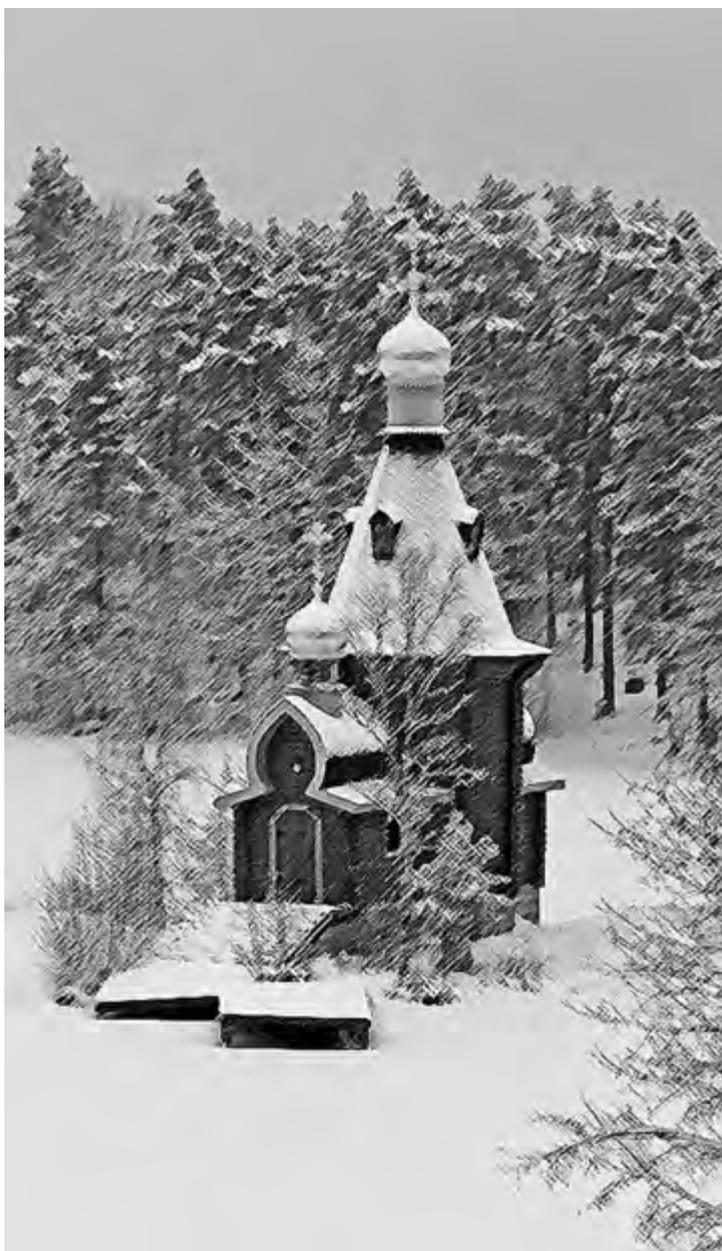
ОТ АВТОРА

Сложилось шесть книг и намечается седьмая. Однако меня не покидает чувство, что я пишу одну книгу, в которой действует своя, независимая от дат написания стихотворных пьес хронология и на первый план выступают метафизическое переживание собственной судьбы и судьбы отечества. Потому и возникло желание подвести некий промежуточный итог, распределив произведения по тематическим разделам. Так, мне кажется, яснее проявится то, что неотступно волновало меня в разные периоды жизни в поисках ответа, зачем я пришёл в этот мир и ради какой необходимости отдаю силы служению русскому слову.

И родина, и женщина, и природа, родители, наставники и друзья, и сама жизнь — всё это неотделимо от понятия: я дышу, я существую, аз есмь. И если определить нашу подлинную поэзию как перевод «с языка небесного на русский», то можно сказать, что всем, любящим её, она, в союзе с религией, указывает путь «к земле небес», то есть просветляет, очищает нас, спасает от уныния и корыстолюбия. И разве важно, какое место ты занимаешь в глазах современников среди славных наших сочинителей? Главное — оправдать своё призвание, а неподкупный судья время всё расставит по своим местам.

ISBN 978-5-4225-0116-8

© Сорокин-Ильинский А.Е., 2016

К РОССИИ

Я ВИЖУ

Я вижу, в отчизне не скоро
наступит желанный покой,
мой голос не слышен из хора
рассудочной свары мирской;
но сердце, послушное зову
укромных ночных голосов,
не дремлет и учится слову
по-новому — с самых азов.

ЗАБЫТЫЙ КРАЙ

Пусть этот край невзрачен и забыт,
я только рад забвению такому:
слегка от ветра озеро рябит,
не одолев безбрежную истому.

Здесь, в стороне от склоки и нытья
о всех напастях, что сулит разруха,
пусть беззаконно, наслаждаюсь я
наивным даром зрения и слуха.

И не хочу раздумывать о том,
какие ждут нас боли и печали, —
вот так и при Владимире Святом,
наверно, чайки над водой кричали...

ВЕРЮ

Среди дряг и фанаберий
трудно биться об заклад,
но себе я всё же верю,
и земле поверить рад.
К вере нет дороги торной.
Путь без веры — звук пустой...
Ради пьяни подзаборной,
ради власти не святой,
за блудницу и за вора,
богача и трепача,
за отребье хуже сора,
за пропавших сгоряча;
ради искреннего слова
и проснувшихся сердец,
ради мира остального,
ради жизни, наконец, —
в смуте, слабости и силе
(ей, всесветной, не до сна)
поднимается Россия,
небом заговорена...

РУССКОЕ ЛИХО

Не утопить наше русское лихо
ни в балагурстве, ни в чарке вина:
к сердцу оно подбирается тихо,
исподволь мира лишает и сна.

Пресны тебе и заморские блага,
и на корню обрусевший Талмуд.
Ты и в разлуке с отчизной, бедняга,
полон ее упований и смут.

Все-то болеется, все-то неймётся.
Слышишь, как стонет душа, веселясь?
Блажь непонятная для инородца —
эта острожная с родиной связь.

РОДИНА

Вот ещё один поход затеян
и ещё один назначен срок.
Есть о чём подумать грамотеям
на распутье временных дорог.

Мы умеем, робкие вначале
и уже солгавшие не раз,
всё, о чем мы дружно умолчали,
выставлять огулом напоказ.

А она, с терпимостью вокзала
приютив растерянных людей,
никому ещё не навязала
ни кривых, ни праведных путей.

ОНА МОЛЧИТ

Люблю её, большую, малую,
зову её: Святая Русь.
Никто у сердца не украл её —
ни швед, ни немец, ни француз.

И наши бравые правители,
и диссиденты-крикуны
проходят — только их и видели —
её не тронув тишины.

Она молчит, и в том молчании
так много смысла и огня,
как искренности — в покаянии,
и прегрешений — у меня...

В ПЕСЕННОЙ ЗАБОТЕ

**Нет человека без родины,
иначе бы он не родился.**

Эдуард Балашов

Я смотрю не так, как прочие,
на условности уставные,
оставляя многоточия
там, где точки все расставлены.

Не сторонник действия всякого
ради денег, ради почестей,
я свободен одинаково
и в толпе, и в одиночестве.

Тропами брожу окрестными,
и во мне звучит как проповедь:
на земле отцовской с песнями
можно вкусно жить и впроголодь.

Не скудеет моя родина —
не мечта она, не вымысел.
Её в песенной заботе я,
доверяя сердцу, выносил.

НАШ ПУТЬ

Наш путь — степной,
наш путь — в тоске безбрежной...

Александр Блок

В разгуле блоковской метели,
в потёмках лжи, что вьюги злей,
скитаясь, не осиротели
сыны Евразии моей.

Не стали небеса пустыми,
не век нам мыкаться одним:
за падших молятся доньне
святые Сергей, Серафим.

На паперти беды кромешной
и на полях отчизны всей —
повсюду брат нам — мытарь грешный,
а не кичливый фарисей.

Пусть для чужих мы иноверцы —
внушая ужас и восторг,
в безмерном, терпеливом сердце
мы слили Запад и Восток.

А сами не Восток, не Запад —
от века Русью нареклись,

но любим сны мечетей, пагод,
костёлов, устремленных ввысь.

И всё же нашу грусть степную,
кочевий облачных стада,
наш крест — на родину иную
не променяем никогда.

Во все глаза, как из подполья,
на этот белый свет глядим.
Такая нам досталась доля:
дорог не счесть, а путь один.

ОТРЫВОК

Есть место тихое в моём родном краю,
где я потерянным себя не сознаю
и всё готов принять без оговорок;
где непритворно близок и знаком
мне каждый куст и низенький пригорок
в часы прогулок медленных пешком.

Мне тесно в городе, устал я от людей,
от нищеты прожектов и идей,
от склоки, зависти, где ум съедает чувства,
где никому не нужен мой надрыв,
моё смирение и моё искусство;
где сам бывал жесток и суетлив.

И вот у озера опять сижу один,
прибрежных дум печальный паладин,
и неизменным задаюсь вопросом:
как соразмерить жизнь и смерть свою
с бедой над кровом, с тишиной над плёсом
и тем, как это слышу и пою?

Бредут стада по берегу вдали,
день угасает, тянет от земли
теплом прощальным на исходе лета,
и никуда не хочется идти:

пускай кому-то станет лучше где-то,
я своего не изменю пути.

Пусть горек хлеб в моём краю родном,
но нет нам места в мире остальном
с тобой, о сердце, — так решила муза,
и мы её завет не предаём:
хранить свободу тайного союза,
одной судьбе покорствуя вдвоём.

В МАЛЕНЬКОЙ КОМНАТКЕ

В маленькой комнатке всё под рукой,
как говорится, на месте.
В уединенье не стал я брюзгой,
гладить себя против шерсти
не пристрастился, забавам иным
дань отдаю на досуге:
речка и лес — не зазорно мне к ним
в гости ходить без подруги.
А навестит меня лада — вдвоём
не заскучаем, дуэтом,
знамо, какую мы песню споём,
угомонившись с рассветом.
В маленькой комнатке сердцу простор,
звёзды стучатся в окошко,
телеэкранный нафабранный вздор
выглядит бледно и пошло.
Ради него не надену ярма
ни на труды, ни на чувства,
и не беда, что пусты закрома,
да и в карманах не густо.
Здесь до отчизны рукою подать —
в маленькой комнатке тесной,
и не забудешь здесь Родину-Мать,
и не расстанешься с песней...

УТРО НА ОКА

Блестит Ока, и не окинуть оком
её изгибы с древнего холма.
Так предок мой во времени далёком
Глядел и думал: «Это жизнь сама!»

Плывут по ней и прадеды, и внуки,
не узнавая прежних берегов,
одолевая омуты, излуки,
друзей теряя, находя врагов.

Проныра ветер, высланный дозором,
оборотившись, наполняет грудь
сосновым бором и Хвалынским морем,
к земле небес указывая путь.

Плывут веками от истока к устью,
вдаль провожая взглядом облака,
и реку эту называют Русью;
не важно — Дон ли, Волга ли, Ока...

ТВОРЦЫ ИСТОРИИ

Шли мы за царя и за Отечество.
А потом за Родину, за Сталина.
С верой шли — и сокрушаться нечего:
Мать-Отчизна наставляла правильно.

С верой шли — и это было главное.
А теперь куда глядят правители?
Но гласит наука неуставная:
мы творцы истории — не зрители.

По ухабам времени усталого
сто дорог и сто сомнений пройдено,
сорок царств грозили нам расправою.
Но одна у нас — всё та же — родина.

Что в ней ложно, что от века истинно?
След такой земли отыщем где ещё?
Распознать её способен
искренне
языком отеческим владеющий.

ПРАВДОПЫТАТЕЛИ

Правдопытатели, вероискатели,
силы бунтарской искрометатели!
Ради гордыни, спасения ради ли
вы в провозвестники истины метили,
многих побед и крушений свидетели,
нашей сегодняшней смуты пра-прадеды...

Правдоискатели, веропытатели,
крайних воззрений бомбометатели,
душ возмутители, справщики совести
и летописцы, в безвестности, в славе ли,
лет временных неоконченной повести, —
вновь о себе меня вспомнить заставили.

Что о вас знаю? — ни мало ни много я.
Бродит по жилам святая, жестокая,
непрописная история русская,
будит сынов нерадивых без устали.
И от судьбины такой не излечится
всякий, кто сердцем врастает в отечество!

Он воин, он гонец, он вестник —
безвестный русский самурай.
И след его, теряясь в безднах,
опять приводит в отчий край.

РУССКИЙ САМУРАЙ

На медленном огне сгорая,
с холодной твёрдостью в груди
он выбрал долю самурая
и совести сказал: «Веди!»

Причастник той и этой тверди,
ступивший на земную твердь,
не ждёт он и не ищет смерти
и на пути не сеет смерть.

Идёт без друга, без охраны,
и жгут подошвы, как угли,
незаживающие раны
на теле сгорбленной земли.

Кто верен и земле, и роду —
не славит подставную власть,
в реке судьбы не ищет броду,
рискуя без вести пропасть.

Лицом к лицу с ордой безродной,
он не уступит ей ни в чём,
всё с той же твёрдостью холодной
владея словом, как мечом.

ПРОШЕНИЕ

Воевода взбранный, князь святой,
благодарный Александр Невский!
У татарских ханов под пятой
ты умел смирать их норы дерзкий.

Был не зря ты Невским наречён.
Под лучами праведного солнца
не калёным словом, так — мечом
успокоил шведа и ливонца.

Раздаём отчизну мы сейчас
ни за грош, какого бога ради?
Неужель твой дух оставил нас,
победителей фашистской рати!

Неужели прежний пыл угас
и спасенья нет родному краю?
Благодарный княже, яко аз
вновь к тебе усердно прибегаю:

собери сынов своих опять,
укрепи сердца на бой готовым,
помоги дружине устоять
в наших дней побоище Ледовом.

ОТВЕТ

С ненавистью оголтелой
смотрит Запад на Восток.
Он Великой, Малой, Белой
в ослепленье пренебрёг.

Что ж, бесчинствуйте, грозите.
Кровь славянская — рекой.
В кипятке крутом событий
мы из армии другой.

Нас ведёт святое знамя,
наш союз неупраздним:
Сергий Радонежский с нами
и отчизна иже с ним.

Мы свои залечим раны,
долг исполним до конца:
завоевывать не страны,
не народы, а сердца.

МОЯ РОССИЯ

Чую силу стоять за Россию.
Ведь Россия не строй, и не власть,
и не лозунг огульный: «Спаси её!»,
и не суши великая часть.

Это пушкинское совершенство,
это Блока святые слова,
это путь от тюрьмы до блаженства,
в темноте различимый едва.

ОРФИЧЕСКИЙ ОГОНЬ

Орфический огонь, пылай, гори,
не покидай стареющее тело!
Твой здешний луч как отблеск той зари,
где ни трудам, ни срокам нет предела.

Я заглянуть за край не тороплюсь —
поборник твой от бед лица не прячет.
Сжигай сомненья, ведь названье Русь
пошло от Сурья — солнечная, значит.

Я малый уголь твоего костра,
но верю, пламя не пойдёт на убыль,
пока слова бегут из-под пера
и русской песни неизбывна удаль.

ЗАЩИТНИКАМ ОТЕЧЕСТВА

Наша быль, далёкая и близкая,
помнит слово грозное «война».
Русская, Советская, Российская —
у отчизны армия одна.

Нам пример на Западе брать не с кого. —
На полях сражений мировых,
под звездой Александра Невского
полководцев пестуем своих.

И ещё не раз расправим плечи мы,
вспоминая дни больших побед,
что огнём и порохом помечены —
это лент Георгиевских цвет.

И склонимся скорбно перед павшими —
человечье сердце не броня, —
в свой черёд, вслед за отцами нашими
возмужав у Вечного огня.

Вы не тратьте силы бесполезные,
к нам не суйте нос свой сгоряча,
берегитесь нас, враги любезные:
кто с мечом — погибнет от меча!

РУССКИЙ МИР

Край отцов — любви основа.
Но пошёл на брата брат.
Град Владимира Святого
нынче болен и не свят.

Ищут воли и спасенья
там, где ждёт их кабала.
Хлещут западное зелье,
повышая градус зла.

Рубят дерево родовое,
отсекают от корней, —
и народ среди разбоя
всё бездомней и бедней.

Только всё же Украина,
и такая, как сейчас,
не рифмуется с чужбиной,
и не враг она для нас.

От судьбы не ждём поблажек,
вдаль без паники глядим.
Ну а горб, что в бранях нажит —
он у нас на всех один.

После павшего Рейхстага
Русский мир не расколоть:
милосердье и отвага
суть душа его и плоть.

ОСТРОВ КРЫМ

Не поднимая муть со дна,
послушна Корсуня святыне,
о берег славы бьёт волна —
могильщица слепой гордыни.

Что Крым для нас? — вопрос простой
вмещает тьму ответов разных.
Да мы без Крыма — как Толстой
без «Севастопольских рассказов»!

КРЕЩЕНСКАЯ ВОДА

На белизне речных просторов,
покрытых ледяной бронёй,
крещенская зияет прорубь
заздравной русской польнёй.

Незабываемо мгновенье,
когда ты робость превозмог
и принял как благословенье
её целительный ожог.

Так повелось издревле, друже,
у нас под отчею звездой.
Так совершают дети стужи
огнём крещенье и водой.

Так омывается Россия
от слёз, пролитых в непогодь.
И входит неземная сила
в земную страждущую плоть.

НЕБОСВЕТ

Кто сказал, что Россию продали,
по кускам растащили всю?
Просто мы обходными тропами
заблудились в родном лесу.
Разучились во тьме аукаться,
вот и кажется — день придёт
и повсюду распушит щупальца
нечисть самых глухих болот.
Полно вам, связь времён не порвана —
звёздный кружится ипподром,
а не хищные злыдни-вороны,
над потухшим в ночи костром.
Не отринем творенья умного:
и сквозь заросли худших лет —
так уж наша земля задумана —
пробивается небосвет.

ПОД СОЛНЦЕМ РОССИИ

Под солнцем России, отныне всемирным,
неможется врагам нашим настырным.
Оно ослепляет ущербные души,
а душам открытым, по многим приметам,
звездой путеводною скоро послужит,
в сердцах просияет спасительным светом.

Под солнцем России возрос я, по счастью.
Земля наша кровью обильно полита,
но сладит с невзгодой любой и напастью —
о том и забота, о том и молитва.
Под солнцем России не сытно живётся,
зато и мечтается всласть, и поётся!

СРЕТЕНИЕ

Господне Сретение нас
встречает звоном колокольным!
И множит стойкости запас
противиться продажным войнам.

Нам не сдружиться с вороньём.
Затем ли в бранях и расколе
мы песни пели и поём
о доброте и лучшей доле?

Уже века — не день, не год, —
как Симеон небезызвестный,
Россия сретения ждёт
С Россией подлинной, небесной.

К ЖЕНЩИНЕ

В ЭТОЙ ЖИЗНИ

В этой жизни мы так неумело
тянем ляжку взаимных обид,
изнуряя и душу, и тело,
точно день нашей встречи избыт.

Что-то тёмное встало меж нами
с давних пор... или было всегда,
и возникшую близость годами
первородная точит вражда.

Никуда от неё нам не деться:
слишком кровь в этих жилах темна,
слишком тянется бедное сердце
чашу нежности выпить до дна.

ТЫ ЗНАЛА

Уюта — нет. Покоя — нет.
Александр Блок

Холодный ветер дул с окраин,
бросало в дрожь особняки.
Ты знала — мы с огнём играем,
но не отдернула руки.
В любви так много жадной страсти —
она бездомна и груба,
как это долгое ненастье,
как наша тёмная судьба,
как тот, с перрона отходящий,
пустой, нетопленный состав...
«Мой милый, ты ненастоящий,
и я умру, твоею став».
Да! Но тогда ты промолчала,
к моей щеке прильнув щекой.
Да! Но начать нельзя сначала
ту жизнь — она была такой.
Беда нас бросила друг к другу
при тусклом блеске фонарей
и повела сквозь гарь и вьюгу
шататься у чужих дверей,
делиться радостью любовью,
впотьмах отыскивая след
к тому уюту и покою,
которых и в помине нет.

ДРУГОЕ ТЕПЛО

Ты мечтала стать женой поэта,
но земной опоры не нашла...
Может быть, я сам придумал это,
может, ты и впрямь такой была.

Но женой поэта ты осталась,
и теперь нас пестуют с тобой
две сестры: забота и усталость,
придираясь к мелочи любой.

Мы теперь другим теплом согреты,
как о том превратно ни суди,
и смешные юности обеты
ничего не стоят впереди!

Надо вновь лепить себя из глины,
что ни день меняясь на веку:
как в любви не сыщешь середины,
так и жизнь не вытянешь в строку.

ЕДИНСТВЕННАЯ

Желанье счастья в меня вдохнули боги...

Евгений Боратынский

Не схимница и не святая —
сестра, любовница, жена.
Волос распущенных густая
на плечи падает волна.

Такой тебя во сне я встретил,
а то, что было наяву,
по пустырям разносит ветер,
как небылицу и молву.

Мне снится ладного покроя
твой сарафанчик без затей
и красноречие немое
походки праздничной твоей.

В своей прокуренной берлоге,
богами счастья одержим,
других встречая на пороге,
я обожусь теплом чужим.

И в каждой ты живёшь незримо,
и не даёшь покоя мне,
и всякий раз проходишь мимо,
и гасишь свет в чужом окне.

В НАШЕЙ КЕЛЬЕ

Ты годы посвятила клавишам,
а я — невидимой струне.
На разных двух кострах сгорающим,
живущим часто, как во сне,
нам повезло — мы снова свиделись
и улыбнулись наяву,
и полюбилась мне действительность,
в которой я теперь живу.
И волен радость и печаль нести
в ту келью, где во тьме любой
и вопреки любой случайности
ты бредишь мною, я — тобой.

ПОД ФУГУ БАХА

В мой бред отчаянья бескрылого
ворвалась ты с проспекта Невского
сестрой неведомой Кириллова.
И в пику бесам Достоевского
порхали пальчики по клавишам,
коса струилась золотистая
вослед аккордам, Бога славившим;
и новых чувств горенье чистое
не омрачали тени прошлого,
как будто мы родились заново
вдали от века заполошного,
по воле слова несказанного...

СВИТЕЗЯНКА

Kto jest dziewczyna? – ja nie wiem.
Adam Mickiewicz¹

1

Из царства закамористых коряг,
по белому песчаному откосу
мы вышли к берегу, где менестрель-поляк
там, на волне, твою приметил косу.

И здесь, где в воду свесилась сосна,
он проходил, и, как ни злился ветер,
ему была твоя печаль слышна,
и он строкой на брачный зов ответил.

А в этот час над озером разлит
июльский зной, в лицо нам солнце светит,
и ничего волна не говорит...
но, может быть, на мой призыв ответит...

2

Сквозь сон редяющих стволов,
из недр озерной глади зыбкой
ты позвала меня без слов

своей русалочьей улыбкой.
В объятья влажные взяла
и расставаться не хотела;
прозрачней, призрачней стекла
твоё мне показалось тело.
Казалось, были мы одни
во всей безоблачной округе,
и человеческой возни
до нас не доходили звуки.
С начала дней твоя родня —
огонь небес, вода и камень;
и ты струилась сквозь меня
необозримыми веками,
прохладой тинистого дна,
лучом полуденного жара...
И золотая тишина
нас до заката провожала.

3

А на закате мы уехали.
И новгородские холмы
стояли вдоль дороги вежами
еще не наступившей тьмы.

Куда мы путь держали — ведомо
рассудку было, не душе, —
она ещё послужит преданно
на предрассветном рубеже.

Разлука поздняя ли, ранняя
даётся свыше на века,
и всё же радость невозбранная —
любить — доступна нам пока!

Остаток лет не бросишь под ноги:
твои зелёные глаза
не с образов сошли, а всё-таки
творить способны чудеса!

Забудем о постыдной ревности!
Дитя фантазии больной,
возникла ты ундиной в древности,
чтоб ныне стать моей женой.

---

¹ Кто эта дева — не знаю. Адам Мицкевич (польск.).

ОСЕННЯЯ ЛЮБОВЬ

Разлучаясь, мы скучаем,
а придет свиданья час,
мы его не так встречаем,
как разлука учит нас.

Нет для счастья правил строгих
и размолвкам счёта нет.
Для тебя одним из многих
стал я через десять лет.

Перевернута страница,
перепутаны пути,
и пора бы отступиться,
незаметно в тень уйти.

Потому и нужно очень
мне глядеть в глаза твои,
забывая, как непрочен
мир, сошедший с колеи.

И, волос твоих касаясь,
верить: не потерян я,
и любви осенней завязь
нас вернёт из забытья.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Когда-то, до грехопаденья
мы были слиты воедино,
цвели, как дикое растение,
в саду, где жизнь непобедима.

Без жалоб новый день встречали
по закоулкам вертограда
и за игрой не замечали,
как спеет яблоко разлада,

как всходит облако разлуки
на светозарном небосводе, —
все краски, запахи и звуки
нам напевали о свободе...

И память древняя об этом
свела нас вновь, порывам вторя,
и озарила бледным светом
планиду радости и горя.

Среди безмолвья и витийства,
среди довольства и разрухи
нас согревает двуединство,
неосязаемое в духе.

ИСПЫТАНИЕ

Когда смеёшься ты — я весел,
когда ты хмуришься — тоскую
о том, что даже звуком песен
тебя утешить не могу я.

Но меркнут все мои заслуги,
минуты кажутся годами,
когда унылый бог разлуки
встаёт незримо между нами.

И нам грозит постылой скукой,
и озарений не прощает,
и мучит нас, и нашей мукой
свою утробу насыщает.

Но что бы с нами ни случилось,
в себе слышав голос вражий,
не уступай ему, отчаясь,
любви и ненависти нашей.

Не ужасайся, замирая
над жадной пропастью порока.
Люби! — любовь не знает края, —
и падай, и взлетай высоко!

ОПРАВДАНИЕ

Я свою седину не скрываю,
ничего в ней зазорного нет,
и не хочет душа молодая
помнить, сколько мне стукнуло лет.

Где же власти любовной граница?
Лгут, нечистый, твои зеркала!
В них нарядные маски — не лица —
проступают узорами зла.

Там скользит моя тень восковая
по обочинам прожитых дней,
только жалость к себе вызывая...
Но довольно, довольно о ней!

Продолжая по жизни скитанье,
изживая гордыню и страх,
отраженье своё, оправданье
нахожу я в любимых глазах.

Пусть я милости их недостоин,
недостоин их нежности — пусть! —
и в изгнании я не бездомен,
если дом моих странствий не пуст.

МЕЖДУ ЗЕМЛЁЙ И НЕБОМ

Милая моя, милая,
русая, длиннобудьлая!
Слышишь: ковыль колышется
в поле под вольным ветром, —
так наша повесть пишется
в сердце лучом рассветным.
Кто мы с тобой? — два странника
между землёй и небом.
В мире кнута и пряника
кажемся сном нелепым.
Поле души ковыльное
тоже заносит снегом.
Но на ручьи обильная,
снова живым побегам
оттепель весть весеннюю
с пашен иных приносит.
Выпьем же за спасение
тех, кто о нём не просит!

БЛИЗОСТЬ

1

Нам в объятьях не до сна,
в нас единствует весна.
Бурное соитие —
словно вод разлитие.

Не до сна в объятьях нам!
Нас к иным уносит снам —
снам, цветущим въяве
в неземной оправе.

2

Близость — венец слияния
тел и сердец покорных,
трепетное сияние
в неуловимых формах.
Это напор и робость,
властный огонь нутробы,
взлёт и паденье в пропасть
нежности влажной, чтобы
к вечности прикоснуться
с возгласом: «Ты моя!»

И, онемев, очнуться
вместе от забытья.

3

Когда с тобой сливаюсь я
в глубоком поцелуе,
взаимной нежности струя
иные будит струи.

Они вскипают в глубине,
в крови горячей бродят.
И ты всем естеством во мне!
А Эрос верховодит.

Забыв о мире остальном,
подобны звучной рифме
мы в упоении хмельном,
в дионисийском вихре.

И вдохновенья верный знак —
блаженство в эпилоге.
Античные, наверно, так
воспламенялись боги!

4

Тайна тесного слиянья
двух сердец, объятых дрожью,
словно двух вершин сиянье,
неразлучных у подножья.

ТАК БЫВАЕТ

Ярких дней промежутков короткий
нам напомнил о солнце не зря:
мы плывём перевёрнутой лодкой
по холодным волнам октября.

Днище неба промокло без пакли,
землю в озеро луж превратив.
Бьют о жёсть монотонные капли,
сочиня бездомный мотив.

Что-то будет ещё, что-то будет,
перетерпим — и станет ясней.
Дни мелькают в осенней запруде
полосатой гурьбой окуней.

Срок настанет — и вынырнет рыба
золотистого нового дня.
Непогода в глазах твоих, ибо
ты в других не находишь меня.

Так бывает, поверь, так бывает:
мир простужен и холодно в нём,
солнце долгие тучи скрывают...
Мы вернём наше солнце, вернём!

ПОКА МЫ ДЫШИМ

Хоть тяжело подчас в ней время...

А. С. Пушкин. «Телега жизни»

Первый снег, улыбчив и опрятен,
доживает свой недолгий век;
и деревьям — холодно терять им
пух одежд, влюбляясь в первый снег.

Только нам считать свои потери
не к лицу: в безродном ноябре
в прошлое все окна запотели,
новый день увидим на заре.

Хорошо по лёгкому морозу
прогуляться под руку вдвоём!
Жизнь пройдёт, и все печали — с возу.
Но пока мы дышим и поём,

да, пока с тобой поём и дышим,
устремляя взор за облака,
мир для нас любовью не обижен,
хоть телега жизни нелегка.

ГЛАЗА ЖЕНЩИНЫ

Я вхожу в твои глаза,
одиночеством гоним,
не как зритель в кинозал
с любопытством проходным,
не как прихожанин в храм
со смиреньем и мольбой, —
как в открытый всем ветрам
дом, обещанный судьбой.
Женщина, чего ты ждёшь?
Не хозяин, не слуга,
я ни плох и ни хорош,
я пришёл издалека
и сижу, тебя обняв
не на жизнь и не навек.
Ты прости, коль я неправ,
я ведь только человек,
сам не знающий, куда
заведёт меня строка.
Мы простимся у моста
в неизвестность. Но пока...
я вхожу в твои глаза —
их магнит необъясним,
что-то в них такое... за
пониманием моим.

ДОСТОВЕРНОСТЬ

Читая сказку по складам
о близком веке золотом,
всё те же — Ева и Адам —
кочуем мы из дома в дом.

Рассвет приходит, да не тот,
уввы, живём мы не в раю,
и падший ангел не даёт
забыть особенность свою.

Живём, ведя извечный спор,
но достовернее всего
глаз откровенный разговор
и губ нежданное родство.

АМФОРА

С греческой амфорой кто-то сравнил тебя точно и смело.
Тонкую эту работу — душу живую и тело —
мастер исполнил на совесть, мастер, неведомый миру.
О совершенстве заботясь, в амфору встроил он лиру.

Тихо ты тронула струны, вызвав дельфийское пламя,
и с увлечением юным я превратился в желанье.
Что мне пространство и время! Смертным собратьям на зависть
мастера славлю творенье, амфоры жадно касаюсь!

НАС ПРОСТЯТ

От судьбы не ждала ты подарка,
шёл к тебе я окольным путём,
и свела нас дворовая арка
под разгульным июльским дождём.

Нам теперь наяву удаётся
проживать предрассветные сны.
Погляди, отражается солнце
на холодном экране луны.

И лучится луна, как живая.
Так и мы, оказавшись вдвоём,
забываемся, не забывая
из какого источника пьём.

Нас простят за открытость и скрытность,
за бездомную искренность глаз,
и нечистому ангел не выдаст,
и помолится грешник за нас.

БЕЛЫЕ ВОРОНЫ

Ни к какой мы не прибились стае,
две вороны белые. И вот,
погляди-ка, всё равно летаем,
и не важно кто кого ведёт,
что о нас судить другие станут...
Разглядев в глазах твоих весну,
может, я впервые не обманут,
может, в первый раз не обману!

ПУШКИНСКИЙ ВОПРОС

Куда струишься, женщина-вода,
минуя все запруды и затоны?²
В тебя как в реку бросившись с моста,
плыву я к морю нежности бездонной.

Плыву, плыву, всё шире берега,
а русло дней оставшихся всё уже.
Плыву, и дна не достаёт нога,
водовороты голову мне кружат.

Ни маяка, ни бакена, одна,
мерцающая ласковой пучиной,
живой воды немая глубина
да берег, в дымке еле различимый.

В какое устье, женщина-река,
несёшь меня, к какому чудо-морю?²
Блестит вода, белеют облака,
и я плыву, с твоей волной не споря.

И пушкинский вопрос «куда ж нам плыть»
в иные дни по-своему тревожит,
но дать ответ, по пальцам объяснить
я не могу... да и никто не может.

ПОПЫТКА РОМАНСА

Вместо тебя обнимаю гитару,
ласково трогаю тихие струны.
В полузабытой мелодии старой
снова всплывают погасшие луны.

Помнишь ли ты те ночные свиданья?²
Звёзды плескались в реке вместе с нами,
нас провожало цикад стрекотанье.
Всюду покой. А на сердце — цунами.

Смолкли цикады — осталась гитара:
струн подневольных печальные звуки.
Только вот в том, что тебе я не пара,
не убеждает молчанье разлуки.

ВОЗДУХ МАЯ

Соловьиный воздух мая
под сиреновой звездой,
нас любовно обнимая,
учит истине простой:

от добра добра не ищут,
суд людской не Божий суд...
Твой платок цветами вышит
не для горя и простуд.

Розовеет даль востока,
замерла речная гладь, —
только небо знает, сколько
дней-ночей нам гулевать.

Что бы с нами ни случилось,
породнились мы не вдруг:
нам уже даны как милость
память губ и память рук.

ТЫ УВИДИШЬ

Наше бабье лето длится, длится...
Сколько там осталось до зимы?
Ходит осень в платьице из ситца —
губы ярче бусин бузины.

Если высь нахмурится дождями,
не печалься — солнце есть у нас.
Нет нужды ему всходить над нами:
солнце это — в небе наших глаз.

А накроют стылые метели —
всё равно найдём себе приют:
ты увидишь, что на самом деле
птицы сердца и в пургу поют!

НОКТИОРН

Мы у ночного неба
лучшие сторожа.
Полночи гимн хвалебный
с третьего этажа,
губ не разняв, возносим,
празднуем в звездопад
первую нашу осень.
Месяц — нам сводный брат,
смотрят на нас созвездья
неисчислимых звёзд...
Наши сердца спят вместе,
даже когда мы врозь!

БУКЕТ

Последний букет уходящего лета
на мой подоконник поставила ты.
Вот так я в душе, для других неприметно,
на тайных лугах собираю цветы.

В ней, как и в природе, то выглянет солнце,
то тучами плотно закрыт небосвод,
то тишь наступает, то вихрь пронесётся...
А время своё потихоньку берёт.

Взглянув на соцветий душистые гроздья,
шепчу уходящему лету вослед:
желаний светлица, судьбы моей гостья,
прими моих чувств не последний букет.

НАША ПРИСТАНЬ

Двух сердец предрассветную тайну,
жар и трепет полуночных встреч
охраняет цикад стрекотанье
и реки неразумная речь.

В стрекотании, в шорохах, в плесках
с миром прочим теряется связь,
в хоре звуков, земных и небесных,
так легко раствориться, пропасть!

И нечаянно всплыть на приволье,
на одной из свободных планет,
где цветёт только губ наших поле
и горит только наш небосвет.

ЗА ВЕСНОЙ

Белеет строй берёз в предчувствии зелёном —
им весело листать апрельские деньки.
Сосна встречает нас изысканным поклоном.
Несу в моей руке тепло твоей руки.

Неважно в этот час, в какую даль мы двинем —
достаточно дышать и чувствовать нутром,
как хорошо вдвоём под этим небом синим,
под солнечным лучом сквозь паутину крон.

На лавочку присев, мы вслух стихи читаем.
Я — Блока, а тебе по вкусу Пастернак.
Высокие слова подобны птичьим стаям
и привлекают птиц. А это вещей знак.

И что нам прошлых дней насупленные лица!
Крылатый новый день настойчиво зовёт
объятья распахнуть и в поцелуе слиться,
и следом за весной отправиться в полёт!

Во многих лицах — мать, сестра, супруга,
дочь и подруга верная, — она
какая б мир ни посещала вьюга,
своей природе истинной верна.

Влечение к ней в веках неистоимо.
И на дворе какой бы ни был век,
одно бесспорно: без неё мужчина,
как ни крути — неполный человек.

К ЖЕНЩИНЕ

1

Все женщины по праву несравненны.
Имеет что-то каждая из них
от Афродиты, вышедшей из пены;
и каждая — одушевлённый миф.

Рекою чувств разрозненных влекома,
в какой-то миг и ангел, и дитя,
в одном лице Годива и Горгона,
она и мстит, и любит не шутя.

Другое дело — материнства схи́ма.
На столкновенье всех мирских ветров
для кровных чад — для дочери ли, сына —
она всегда опора и покров.

Познать её не хватит жизни целой,
да что там многих — близкую одну.
Я перед ней с любовью неумелой
в догадках и гаданиях тону.

И, древнему уподобляясь греку,
что прикоснулся к тайне во плоти,
могу заверить: в женщину, как в реку,
в одну и ту же дважды не войти.

ПРИВОРОТ

Гривна, лунница и пронизь¹
были бы тебе к лицу.
Оберегом от бессонниц
я тебе их поднесу.

Чудодейный сон навею
волей птицы Алконост,
и твою одену шею
в луны лунниц, в гривны звёзд.

Буду я стоять на страже
этой яви в этом сне,
и тогда рукой лебяжьей
ты потянешься ко мне.

БЕЗ ЛЮБВИ

Что без любви набухший куст сирени —
всего лишь ветка меж других ветвей.
И по двору блуждающие тени
не оживит ходульный соловей.
Не пробежит внезапно дрожь по коже
от залетевшей в форточку звезды.
И в сватовстве рассветной суеты
не станет день нарядней и моложе.
И не уймёт сердечную простуду
случайной рифмы отзвук холостой...
Как без любви на этом свете буду
я говорить о радости простой?!

---

¹ Древнерусские украшения в виде сергь и ожерелий (прим. автора).

НАЕДИНЕ С ПРИРОДОЙ

УТЕШЕНИЕ

Здесь старые сосны и ели
у самого дома стоят
и долгие дни и недели
задумчивый радуют взгляд.

В их миру служении чистом
ищу утешение я,
и вновь наполняется смыслом
бездушная плоть бытия.

И с ними молчанием связан,
люблю их древесный покой
и в праздности дремлющий разум,
не знающий скверны людской.

О пошлой жизни забываю,
с ее бравадой и враждой,
как будто дверь приоткрываю
в забытый всеми храм пустой.

НА ЯХРОМЕ

Твой бег, извилистый, студёный,
среди холмистых берегов
увёл меня от думы тёмной
и необдуманных шагов.

В тиши, на солнечном припёке,
отмахиваясь от слепней,
я ощутил себя в потоке
ничем не омрачённых дней.

Ненастья дальние раскаты
здесь не спугнут и стрекозы,
и чем богаты, тем и рады
бегущие, как сон, часы.

Кузнечик серенаду Брамса
переложил на свой манер
и так на стебле расстарался,
что слился с музыкою сфер.

И я, с дремотой мысли слитый,
пчелою уношусь в луга,
вдыхая запах первобытный
новорождённого цветка.

ЗАГОРОДНАЯ ЭЛЕГИЯ

Даль ясней и воздух здесь прозрачней,
ярче звёзды и спокойней сны.
Не пора ли строить жизнь иначе,
на себя взглянуть со стороны?

Я прибил к новому причалу.
Стынет день осенний за окном.
Новоселье без гостей встречаю,
согреваясь чаем, не вином.

Со стены глядит усталый Пушкин.
Мнится мне, он всех давно простил,
зная цену черни равнодушной
и соседям, милым и простым.

Не зайти ли к доброму соседу
покурить, о жизни поболтать?
Никуда отсюда не уеду,
буду здесь я годы коротать.

Буду пить вечернюю прохладу,
уповать на волю и покой.
Что ещё гиперборейцу надо?
Поле, лес и речка — под рукой.

МОЙ ПОСЁЛОК

Посёлок мой меня хранит
от пустословия и славы.
Его уклад и скромный вид,
как и природа, величавы.

Окредный лес, река Москва —
пускай весь мир враждой расколот —
о скрепах древнего родства
напоминают в зной и в холод.

Пускай я сам ничтожно мал
и только в редких снах летаю —
вмещает сердца ареал
и облако, и птичью стаю.

И этот мой судьбинный дом,
и к устью дней моих дорогу
злачёмным куполом с крестом
венчает храм неподалёку.

РАССВЕТНОЕ

Высокое небо стоит надо мной!
И, вторя рассветному чуду,
любовь, отдающая болью земной,
расставила сети повсюду.
И ель, что ночами скрипит за окном
с какой-то печалью нездешней,
никак не напьётся последним теплом
из первой проталинки вешней.

БЛАГОДАРЕНИЕ

Поля Подмосковья не солнечный Крым.
Мы склонны к иному везенью:
спасибо Тебе, что снегами укрыл
Ты нашу продрогшую землю.
И в белые ризы деревья одел...
Пусть сердцем к Тебе не добрёл я,
спасибо вдвойне за подаренный день —
лучистый осколок безмолвья...

НЕЗДЕШНЯЯ ПРОГУЛКА

Или был я здесь когда-то,
или сказку сочинил —
ту, что вымыслом богата
без бумаги и чернил.

Но легла под ноги стёжка,
с неба грянул птичий хор,
и, растерянный немножко,
я вхожу в знакомый бор.

Каждый куст мне бьёт поклоны,
и звенит над головой
расписной, многоколонный
купол хвои вековой.

А куда иду — не знаю,
и вернусь ли — невдомёк:
ничего не вспоминаю,
не загадываю впрок!

Этим чащам и полянам
всё одно — и век, и час;
в этом храме безымянном
сердце молится за нас.

МОЕМУ САДУ

О чём молчишь, объятый зноем сад?
Я что ни день с тобой встречаюсь взглядом.
Иссяк цветенья буйного азарт,
скупая осень ходит где-то рядом.

И всё же тянешь соки из земли.
Тебе и мне, как погляжу, неймётся:
иной расклад мерещится вдали
и бьёт в глаза иных закатов солнце.

Ещё в князьях с тобой побудем мы,
покуролесим и поколобродим,
а там, глядишь, дотянем до зимы,
где каждый одинок, зато свободен.

Года, как дым, уходят в облака,
и дров на зиму надо бы немало.
Пускай нам эта ноша нелегка —
не рождены гореть мы вполнакала.

Мы дети солнца с головы до пят,
и не к лицу нам мерзость запустенья.
За нами есть присмотр и догляд
на высоте свободного паренья.

В СВОЁМ КРУГУ

Овеян воздухом лесным,
в заимке усовского бора
уже почти что записным
его лесничим стану скоро.

Упало дерево — и вот
рублю я сучья для прохода.
Да мало ли каких забот
подкинет прыткая природа!

Но больше люди: тут и там
разбросан мусор, как в бараке,
и с тем, кто множит этот хлам,
не побоюсь дойти до драки.

Зато есть чистая река —
в июльский зной к ней путь недолог;
зато есть белые снега
и над лыжнёю лапы ёлок.

И синь полоски заревой,
и шумный сход дождей отвесных,
и солнца луч над головой
в кругу сородичей древесных...

СОСНЫ

На притихшие сосны гляжу,
проходя по вечернему бору.
Может, жизни иную между
проложу здесь в предзимнюю пору...

Сосны, есть ли слова передать
ваши вечнозелёные думы?
Ближе к небу древесная стать
и с землёй неразрывна угрюмой.

Может, вы затаили ответ
на вопрос, что у сердца в запасе,
и смолистому братству вослед
потянусь я, прозрев в одночасье...

По обочинам выстроюсь в ряд,
как волхвы под звездой востока,
изумлённые сосны стоят...
Или это почудилось только?

НА ЯЗЫКЕ КАПЕЛИ

Не по ранжиру и не в ряд
вокруг столпились сосны, ели.
Они со мною говорят
на звонком языке капли.

Пока мы бредили зимой,
они вдохнуть весну успели.
Для них не стали Кольмой
насквозь промёрзшие недели.

Скупым овейаны теплом,
под солнцем, здешним, не палящим,
они не помнят о былом,
не прозябают в настоящем.

Содружество деревьев — лес,
немой участник в диалоге
земли и неба, — и прогресс,
и люди для него — не боги.

Иным умом разумен он,
и разум тот, похоже, дышит
сегодня и во мне самом,
коль сердце речь капли слышит.

БАБОЧКА ИЮНЯ

Ну что ты ко мне залетела —
так зелени много вокруг.
И самое милое дело —
резвиться со стайкой подруг
над лугом, где в ярких нарядах
сошлись на смотрины цветы.
Приветствуй вселенский порядок,
в котором не лишняя ты.

Но бьётся в стекло бестолково,
а рядышком — настезь окно.
При виде упрямства такого
и совестно мне, и смешно.
И я подставляю ладони:
все страхи оставь позади —
за солнцем, за жизнью в погоне
на волю скорее лети!

БАБОЧКА НОЯБРЯ

Ноябрь на исходе. Зима на ходу.
Морозит. А мой подоконник в цветах.
Гляжу, лепестки, как в весеннем саду,
раскрылись, нарушив природы устав.

И бабочка крыльями бьёт по стеклу.
Очнувшейся пленнице, ей невдомёк,
что стужа приходит на смену теплу
и смерти подобно лететь за порог.

Цветы поливаю, чтоб садик мой рос,
с утра ей на блюдечке ставлю я мёд.
Пока за окошком крепчает мороз,
пускай порезвится, пускай поживёт.

Иного я выхода ей не найду;
и в час, когда всё не попад и не впрок,
отрадно, что в комнатном тихом аду
есть райский хотя бы один уголок.

МУХА

Мумия мухи меж створок окна.
С фалдами крылышек будто во фраке.
Сколько же так пролежала она
в этом прозрачном своём саркофаге?

Может быть, год, может, два или пять.
В смертном смирении, лапками кверху.
Ей уже нечего больше терять,
всё нипочём ей давно и не к спеху.

Пусть полежит ещё. Свыкся я с ней.
Осень подкралась опять незаметно.
Сколько увижу их — Богу видней.
Жду с нетерпением бабьего лета.

Много ли знать нам дано наперёд,
будем ли счастливы знанием этим?
Вряд ли — день каждый о жизни поёт, —
жизни, где дождик, и солнце, и ветер.

Как мы от жизни такой далеки,
в мощи своей не крепки на поверку.
Всё копошимся, жужжим по-людски, —
смотришь, и так же вот — лапками кверху.

УЛИТКА

Улитка ползёт не прытко,
несёт на себе свой домик.
На то она и улитка —
и муравей догонит.

Улитка переползает
асфальтовую дорогу.
Антенновые глаза ей
едва ли спастись помогут.

Лужок долгожданный близко
и вдалеке там травки сочной.
Попробуй прожить без риска
в действительности непрочной.

Пуглива, а вот, поди ж ты,
ползёт по проезжей части
к своей луговине пышной,
у случая в тёмной власти.

При ней все её пожитки,
и надо ей так немного.
Ну как не помочь улитке
скорей перейти дорогу!

УСОВСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Был бы ангелом — не пил бы я вино
и на женщин бы украдкой не глядел,
не жалел бы я, что дней веретено
сокращает здешний мой удел.

Не ходил бы к лесу и реке
слушать стрекотание цикад
и смотреть, как гаснет вдалеке
золотой — ещё один — закат.

Был бы ангелом — не полюбил бы труд,
на который не жалею чувств,
за который денег не дают,
но зато карман души не пуст.

ОСЕННЕЕ

Листья в бездомном полёте,
что не даёте мне спать,
что вы мне спать не даёте? —
вот пробудился опять
шелест ваш, шёпот и шорох
в полураскрытом окне...
Или в безвидных просторах
вспомнила мать обо мне?
Скоро укроются снегом
рощи, поля, города.
Холодно быть человеком —
вам и мороз не беда.
Листья в бездомном полёте,
нет для вас стужи и тьмы,
без сожаленья уснёте
под покрывалом зимы...

СНЕГ ТИШИНЫ

Под утро укрылось окрестье
ворсистым, уютным снежком.
Проснулись — и будто воскресли:
какое безмолвье кругом!
На свете и чёрном, и белом
ни звука... светлеет восток...
Простудам своим застарелым
и всем холодам поперёк,
в неприбранной комнатке тесной,
среди разорённой страны
проснулись — и будто воскресли
из этой святой тишины...

МЫ БУДЕМ ВСЕ ЗАНЕСЕНЫ

Мы будем все занесены
бесследным снегом тишины.
В лучах внезапного рассвета
друг друга не узнаем мы
и не увидим ни зимы,
ни расточительного лета.

Ни осени не будет там
и ни весеннего разлива,
но я так просто не отдам
всего, чем нынче сердце живо.

Ни этой ивы, над рекой
склонившей ветви в час закатный,
ни суматохи городской,
ни русской доли непонятной.

Не уступлю молчанью звёзд
и славе, тягостной, посмертной,
ни первых покаянных слёз,
ни материнский вздох последний.

ЗАКЛИНАНИЕ

Прожить бы скупее и проще
остаток отпущенных лет,
как эти поляны и рощи,
встречая закат и рассвет.

Вослед убегающим тучам
шагнув за родимый порог,
умчаться бы прахом летучим
однажды в назначенный срок.

Но так, чтобы мысли, и чувства,
и память о доле земной,
и горькая радость искусства
навечно остались со мной.

ДОБРЫЙ ЛЕШИЙ

За мной по лесу бродит леший:
то бросит под ноги корягу,
то снегом с ветки обомлевшей
осыплет. Без него ни шагу
не ступишь в потемневшей чаще.
Чуть зазеваешься, и снова,
того гляди, в овраг потащит
на хрупкий лёд ручья лесного.
А так он, в общем, добрый малый
и злых не будет строить козней.
Не часто путник запоздалый
сюда заходит в день морозный.
Вот он и тешится от скуки,
меня легко сбивая с толку.
Хотя, конечно, по науке
быть не должно его. Да только
кто мне мигает жёлтым глазом,
таясь за пнём оторопевшим?
Неужто в жизни вы ни разу
не сталкивались с добрым лешим!

ДЕВУШКА-РЕЧКА

Любуюсь я девушкой-речкой,
прозрачной её чистотой,
её переливчатой речью
и статью её молодой.

Волнистыми складками юбки
о берег легонько шурша,
ни в чём не иди на уступки,
сударушка, речка, душа!

Беги, как велит тебе норов,
не зная гранитных оков.
Среди среднерусских просторов
красуйся без обиняков!

Ты свет похищаешь небесный,
возникнув из плоти земной,
и вдаль изливаешься песней,
на взгорье прощаясь со мной.

Не знает ни скорби, ни горя
та песня, как ветер, свежа.
Струись в своё вечное море,
сударушка, речка, душа!

ПРИВКУС ДЕТСТВА

Сердце, разве мы забыли,
вдоль по жизни проходя,
аромат прибитой пыли
после тёплого дождя;
запах крашеной террасы
и прогорклый, дрожжевой
дух от старого матраса
в шалаше, за душевой?
Пахнущий смолою ветер,
тиной и песком — река,
пряный запах разноцветий,
устилающих луга...
Лишь на миг возникнет снова
в череде иных примет
привкус запаха родного —
и опять мне восемь лет!

ПОЛОВОДЬЕ

Пересыпан еловой иголкой
ноздреватый, нахохленный снег,
под его набухающей коркой
бредят струйки разливами рек.

Март не шумен, но полон азарта,
дни раздумий уже сочтены,
только вдох остаётся до старта
набирающей силу весны.

Так и жизнь моя в сдержанном вдохе
копит силу воды и огня,
всё, что я собираю по крохе,
переполнит однажды меня.

Разольюсь и сгорю без остатка!
На стекле заиграю лучом!
Ах, как вольно, как больно и сладко
жить и петь непонятно о чём!

АВГУСТ

Хорошо затеряться под звёздами
в запоночный ласковый час.

Для того они, верно, и созданы,
чтоб тревожить и радовать нас.

Чем ещё меня август порадует? —
Так спокойно в притихшем саду,
только слышно, как яблоки падают...
Утром их собирать я пойду.

Буду кроток, приветлив и благостен,
чтобы лучик любви не погас
и другим, искупительным радостям
научил меня Яблочный Спас.

НОЧНОЕ НЕБО

Глаза поднимешь к небу — и в морозной,
необозримой, многозвёздной мгле
утонет мысль, и язык твой косный
забудет всё, что славил на земле.

Поет в висках иной отчизны ветер,
а ты, придавлен тяжестью земной,
стоишь, как камень, твёрд и безответен,
перед безмерной этой глубиной.

ШЁЛ СНЕГ

Шёл снег...
Он был и тут же не был,
едва земли коснуться смел он,
хотя не мог расстаться с небом —
таким же призрачным и белым.
Казалось, что из чёрной жижи,
как от бессилия бывшего,
он поднимался выше, выше
и возвращался снова, снова...
Дыханьем вести небывалой
(а люди думали — напрасно)
будил он этот мир усталый
и намекал, пока бессвязно,
на тот исконный уют,
где, как солдаты у дороги,
не брезгуя соседством, пьют
и люди, и зверьё, и боги.

ПРОВОЖАЯ ПТИЦ

Пунктирным клином, в час заката
на юг поспешно улетаю,
зовёт с собою птичья стая,
как будто птицей был когда-то.

До встречи, птахи. Ваша нива —
парить в просторах поднебесья.
А мне и здесь не сиротливо,
пока владеет сердцем песня.

К чему искать иную долю
родившемуся не случайно
под русским небом, с русской болью
и светлой пушкинской печалью...

К СОЛНЦУ

Осень не тронула сосны и ели —
им зеленеть в белизне наших зим.
Но за неделю совсем порыжели
кудри окрестных берёз и осин.

— Весь ты в пунцовом! В обличии новом
как тебе дышится, братец мой клён?
Машет мне веткой: «Спасибо, кленово —
я по макушку в рябину влюблён».

Вижу, и осень любви не помеха.
Пусть собираются в тучи года,
но от корней и до самого верха
будем мы к солнцу тянуться... всегда!

МИЛОЙ ГОРОЖАНКЕ

Сад под окном — мой Пушкинский музей,
сосновый бор — Кремлёвские палаты,
и воздвигает неба Колизей
мне над рекой нетленные закаты.

Я не лукавлю, милая, поверь:
что для других обычная природа,
то для меня таинственная дверь
со светозарным сторожем у входа.

ЕДИНСТВО

Деревья, звери, птицы, облака
единства не утратили пока
и нас оберегают втихомолку...

И потому, наверно, без нужды
еще ни разу я не рвал цветы
и никогда не брался за двустволку.

ГЛАЗАМИ СЕРДЦА

Бывают дни, свободные, как вздох
морской волны в закатный час прибой.
В такие дни я всех любить готов
и отвожу сомнение любое.
На всё вокруг в такие дни гляжу
глазами сердца, не горжусь, не спорю,
как будто краем неба прохожу,
в житейское не окунаясь море.

**РОДИТЕЛЯМ,
НАСТАВНИКАМ,
ДРУЗЬЯМ**

МАТЕРИ

Где ты, молодость сердца усталого,
что, плутая, не сбилось с пути
за три четверти века без малого
и по-прежнему ноет в груди?

Не изведав всего, что назначено,
не спеши сокрушаться о том,
что с годами здоровье утрачено
и непрочен наш временный дом.

Как ни слеп человек, не отважится
развернуться спиной к судьбе;
как ни грешен, а всё ему кажется —
свечку Божию теплит в себе.

ОТЕЦ

Придя как слух о без вести пропавшем,
он не скрывал осанки фронтовой
и не искал опоры в мире нашем,
и был спокоен — мёртвый, но... живой.

Припомнив всё, что вынес на плечах,
он оглянулся на свои потери —
и увидал меня...
и, промолчав,
шагнул во тьму сквозь запертые двери...

И как теперь мириться с тишиной,
не поддаваясь жалости и боли!
Ведь часовые стрелки за стеной
не по моей остановились воле,
и не со мною счёты сведены;
нигде не бьют тревогу об утратах,
никто вокруг не ищет виноватых...
А оправданье — тяжелей вины.

НА ТОЙ ВОЙНЕ

Я в смертный бой вступал во сне,
как будто наяву,
и погибал на той войне,
и до сих пор живу.

Из синевы спускаясь в ад,
в грохочущий разлом,
я знал, что нет пути назад,
и не жалел о том.

Над телом павшего бойца
призывно горн играл,
а я среди живых отца
в смятенье выбирал.

Но вот уже и нет живых —
все полегли в бою,
и канонады гул затих
у мира на краю.

Но вижу: скрыт густой травой
и пулями прошит,
в беспмятстве, полуживой
один солдат лежит.

Всю ночь я просидел над ним —
настырна смерть, хитра, —
моей молитвою храним,
он бредил до утра.

И вот рассвета час настал!
И отлегло в груди,
когда явился санитар,
как ангел во плоти.

Потом мне снился лазарет
и скальпеля металл.
Хирург, прося прибавить свет,
кроил, кромсал, латал.

Сон обрывался и опять
накатывал волной...
Уже я начал забывать
того, кто звался мной.

Иного воинства уже
небесные послы
бездомной, страждущей душе
благую весть несли.

Но что-то в памяти былой
мешало обретать
всепобедительный покой
и солнечную стать.

И так, плутая в полумгле,
я вспомнил наконец:
на хирургическом столе
мой воскресал отец!

ЗА ОТЦА

Ни лагерей, ни пули не отведав,
но в поредевшем не чужой строю,
на дорогих развалинах Победы
я за отца навытяжку стою.

Народ молчит. Безмолвны обелиски.
Толпа резвится, празднуя салют.
Мы все — в одном, неуследимом списке
живых, где впрок побед не раздают.

И в этот строй я встал не для парада,
а ради той победной тишины,
разлитой в сердце русского солдата
с последним залпом праведной войны.

БАБУШКА АННА

Бабушка Анна, какому ты пану,
за спину пряча с клюквой лукошко,
кланялась,
я дознаваться не стану:
в прошлом Курляндия, ты уже в прошлом.

В прошлом моё поселковое детство
в тихом Ильинском, Жуковского возле.
Спишь ты, и здесь же легли, по соседству,
мать и отец — на московском погосте.

Ты родилась, и подумать-то страшно! —
был девятнадцатый век на исходе;
минул двадцатый; но сердцу не важно:
мир без любви одинок и безроден.

Надпись на камне тускнеет с годами,
память же камня гранитного твёрже;
верится, ангел приходит за нами
и отворяет врата свои... всё же...

Всё же полна расставаний наука
недоговорок, печалей взаимных!
Бабушка Анна, за блудного внука
ты помолишь в незакатных долинах...

МАТЬ И ОТЕЦ

Мать и отец — на небесах, я — на земле пока что.
Они стоят в моих глазах, а прочее не важно.

Я сердцем чувствую — они не знают там покоя
за все мои шальные дни и шутовство мирское.

Не убивайтесь, помню я о совести и чести.
Мы все — небесная семья с земной семьёю — вместе.

Неразделимы и верны одной большой заботе.
Какой? — приоткрывают сны у ночи на излёте.

Пускай всего не разгадать, но я, рождённый вами,
пройду свой путь от аз до ять, не покривив словами.

А для любви не надо слов. Она везде и всюду.
Неизносим её покров. А мы не верим чуду...

ОСЕННЯЯ НОЧЬ

Александр Межирову

1

В тишине густой и ровной, как стоячая вода,
ничего уже, казалось, не случится никогда.

Даже если смерть наступит — всё останется как есть:
так же будут капли с веток падать, стучаясь о жесть.

Так же будет ближних сосен виден освещённый ряд,
так же неустанно к звёздам будет устремляться взгляд.

Но никто в лучах и славе не пошлёт благую весть! —
ибо на земле отныне всё останется как есть.

2

Лёгкий шорох падающих листьев.
Над сосною полная луна.
Отчего так свет её неистов,
для кого старается она?

Или всем готова без разбору
раздарить холодные лучи:
и юнцу влюблённому, и вору,
и вот этой кошке у забора,
и псалмы поющему в ночи.

ПИСЬМО

Александр Межирову

Я к тебе путей не знаю,
но зато в родном краю
часто с болью вспоминаю
неприкаянность твою.

Те ночные разговоры
в тишине, наедине
с собеседником, который
был всегда так близок мне.

Не пророк в своей отчизне,
от души, не свысока
ты сказал, что правдой жизни
правит правда языка.

Не считаюсь с расстоянием,
в сердце голос не затих,
окрылённый заиканьем
этих гласных горловых...

Звуком связаны отныне,
как невидимой струной,
у себя ли, на чужбине,
где бы ни были с тобой, —

сохраним в потёмках мысли
путеводною звездой
нашу совесть — стыд корысти,
как её назвал Толстой.

Потому что не по крови,
а по Слову состоим
мы в родстве, и тем суровой
оправдание пред ним.

НЕВОЗВРАЩЕНЕЦ

Под чужим безгласным небом
что таит он между строк
о земле, где столько не был:
фантазёр, мудрец, игрок?

В золотом котле свободы,
обратив к России взор,
ямбом, вышедшим из моды,
всё ли дышит до сих пор?

Никому давно нет дела
до его смешных обид.
Жизнь не то чтоб пролетела,
не о славе он скорбит.

И когда в углу забытом,
помавая в такт рукой,
снова духом воспарит он
над нечаянной строкой, —

не найдётся, как ни сетуй,
правде жизни вопреки,
настоящих слов для этой
возвышающей тоски.

НАШ ВРАГ

Эдуарду Балашову

Наш враг невидим и неслышим,
его как будто вовсе нет,
но мы его смятеньем дышим,
его преодолеваем бред.

Нам в этой схватке нет покоя! —
в ответе за исход любой
неутихающего боя
и небеса, и мы с тобой.

И если верно звук угадан,
и если верой путь согрет,
и если чья-то песня рядом
с твоею тянется на свет, —

как может страх не покориться
сознания острому лучу! —
И наша битва будет длиться,
и не погасит смерть свечу.

ВОСХОДЯЩИЕ

Валентину Сидорову

1

Всё глуше молитвенный гул голосов
и лица уже различимы едва;
на паперти ваших полей и лесов
о нас ничего не расскажет молва.

Небесная нива стяжала зерно,
всё крепче меж нами безмолвья стена,
но кто мы и где мы — не всё ли равно:
одно у нас бремя и вечность одна.

2

Вы свято храните свой шаткий уют,
и даже могила для вас не тесна,
вам прошлые мысли уснуть не дают,
пугает неведомых дней новизна.

Вы так же скорбите, слагая псалмы,
нужда и забота преследуют вас,
вы часто смотрите на небо, а мы
не сводим с земли затуманенных глаз...

А вы о нас забыли,
и мы о вас в итоге.
Мы стали горсткой пыли
на пройденной дороге.

На мировом погосте,
под тихими крестами
тоскуют наши кости,
а мы иными стали.

Нас смерть не упразднила,
забвеньё не остудит:
кому тесна могила,
тот в ней лежать не будет!

ДРУЗЬЯМ

Ничего мы не знаем и всё-таки верим в слова,
в звуки, полные скорби, отрады, любви и печали.
Не пустой разговор — если кругом идёт голова,
и значительны паузы, сколько бы мы ни молчали.

Неуступчивы, в судьбах не схожи, наивны и всё ж
об одном говорим мы, но каждый по-своему мучась:
о несчастной, прекрасной земле, где, куда ни пойдёшь —
кружит ворон с жар-птицей и гибельна светлая участь.

И так тягостно думать — пустыня ещё велика,
и так радостно помнить, что нам суждено возродиться;
читан Вертер, а Фауст... ещё и не листан пока;
и так медленно солнце за тёмные сосны садится.

ВСЁ ТОТ ЖЕ СВЕТ

о. Александру Шумскому

Пурга Россию замела.
И так из века в век
на наши грязные дела
ложится чистый снег.

Пригрело солнце, ветер стих,
и кажется светлей
даль Куликовых и других
оплаканных полей.

Ах, сколько полегло голов!
И нет конца войне.
Но слышен звон колоколов
в прозрачной тишине.

Не оттого ли до сих пор
наш невесёлый быт
родной, намоленный простор
от худших зол хранит?

И строгие глаза икон
струи всё тот же свет
через беспмятство времён
и толчею примет...

ДАВНЕМУ ДРУГУ

**Боль и радость. Блаженство и мука.
Унижение и торжество.
Жизнь прошла ради Чистого Звука,
Звук — незнаемо ради чего.**

Андрей Алексеев

В год один и в день один
этот мир мы посетили.
Слово — верный наш притин
и свидетель нашей были.

Похищаем красоту
у безмерных малых родин.
Каждый на своём посту
небу русскому угоден.

Ну а слава, слава где? —
Видно, не пришло время.
Так вот дремлет в борозде
набухающее семя.

Но зато, мой давний друг,
обогнав земную славу,
нам доверил чистый звук
высоту свою по праву.

ДАВНО ПОРА

Яну Иоаниди

А помнишь, Яном Бунина звала
его супруга Вера Николаевна?
Ему же в Гресе русского тепла
так не хватало, а любви — подавно.

Вот ты с рожденья не Иван, а Ян,
и я не стану звать тебя Иваном.
Пускай порою ты бываешь пьян —
я сам бываю по неделе пьяным.

Но главное — поэзия, и с ней
нам не страшны разводы и запои!
Давно пора сомкнуть наш круг тесней,
и пусть печаль оставит нас в покое.

Давно пора не выживать, а жить
везде: в безмолвье, в безрассудстве, в звуке.
Давно пора нам сердце обнажить
и не бежать от боли и разлуки.

НЕ ЗАБУДЕМ

Петру Десятрёву

Ничего в награду мы не просим,
оставляя семьи и дома,
и с собой всё лучшее уносим
в неземных селений закрома.

И когда нас там, на переправе
встретит Стикса тихая вода,
о мгновенной жизни и о славе
мы забудем раз и навсегда.

Ничего мы не оставим людям,
кроме песен, что не в лад поём,
но о братстве нашем не забудем
в одиноком равенстве своём!

ОН НАПИСАЛ

Он написал: «Мой дар убог...» —
не бурям жизни бросив вызов,
но ясно ощутив итог
её мечтаний и капризов.
И то, что зреет в тишине
для новых мук и жизни новой,
от грубой славы в стороне,
воспел он с нежностью суровой.

УХОД

Избави Бог
жить только для этого мира...
Л. Н. Толстой

Навек покидая любовью отравленный дом,
уставший от славы и тяжбу затеявший с Богом,
он знает, что сердце не может болеть о пустом
и печься о малом, томясь в одиночестве строгом.

И, глядя сквозь слёзы на жалкие прутья ракии,
на тихое небо, зовущее в пропасть иную,
быть может, одно про себя неотступно твердит:
«За что так любовно я жизнь эту к смерти ревную?..»

ТЫ В ВЕЧНОСТЬ УШЕЛ

Чтоб тайная струя страданья
Согрела холод бытия.

Борис Пастернак

Ты в вечность ушёл и былинки не тронув,
стал спутником ветра, шумящего в кронах,
и как оправданье опальной судьбы,
светилась печаль на пустующей даче...
Наверно, вины не искупишь иначе
как смертью, а пошлость бессмертна, увы.

Ты признан — и вновь от живых отгорожен
судом почитанья, на славу похожим.
Но звуки не знают запретных дорог! —
они набегают, прищурясь от света,
который сквозит в умолчаньях поэта,
едва уловимый за промельком строк.

ЕГО ЗВЕЗДА

Звезда Маир сияет надо мною...

Федор Сологуб

Глаза устали от дневного света
и от гостей,
скорей бы снова в сумрак кабинета
к звезде своей!

Он без неё найти покой не чаёт
в чаду ночном:
Альдонса спит, Альдонса не скучает
на дне речном.

А за окном всё чаще перестрелка,
и смерть кругом,
и только скука, подлая сиделка,
заходит в дом.

Но надо жить, нести свой крест печальный —
и жил, как мог:
для Дульцинеи ткал наряд венчальный
из лучших строк.

Превозмогал утрату за утратой,
пером скрипел,
и ничего для музыки тороватой
не пожалел!

УЧИТЕЛЬ

**Я уйду, никого не спросив,
Потому что мой вынулс я жребий...**
Иннокентий Анненский

Как ты умел не показывать виду,
знающий боль Помыканий и Злоб,
горечь какую, какую обиду
жизнь заколотит в газетовый гроб.

В штатском мундире, затынутом туго,
Боже, как душно! Как плоть тяжела!
Как безутешна сердечная вьюга
и безнадежна грядущая мгла!

Но к небесам вырываясь из плена,
как ты вдыхал этот свод голубой! —
будто и вправду легка и нетленна
музыка, ставшая нашей судьбой.

Так направляй, проверь меня снова,
не позволяй мне мириться с бедой! —
греческой Музы и русского Слова
мой царскосельский учитель седой.

ТЮТЧЕВСКАЯ ОСЕНЬ

Пускай земное небо в тучах,
а ясных дней — наперечёт,
лишь о любви вздыхает Тютчев,
она одна его влечёт
и золотит его седины
закатной нежностью, и вновь
не знает сердце середины
и смертью платит за любовь!

МОЛЮСЬ ЗА ВАС

Молюсь за вас, мои друзья-поэты!
У сильных мира, занятых тщегой,
на все вопросы найдены ответы,
а мы живём надеждой и бедой.

Всё хорошо, пока мы дышим с вами,
пока вершим свой бескорыстный труд:
печаль незнания украшать словами
и верить в то, что строки не умрут.

ЗАПОВЕДНОЕ ЗАСТОЛЬЕ

Нет друзей у сердца лучших —
с ними я не одинок:
справа восседает Тютчев,
слева — с Незнакомкой Блок.

Все равны в застолье дружном —
Лермонтов, Есенин, Фет.
Ну а балом правит Пушкин —
в этом разногласий нет.

Всех друзей не перечислю.
Но на родственной волне
все они в угодах мысли
клад сердечный дарят мне!

К ЖИЗНИ

ВЕТЕР ЖИЗНИ

В нашем мире родиться,
у любви задолжав,
человеком ли, птицей —
удивительный шаг.

С этой радостной тайной
я иду на закат,
каждой встречей случайной
с неизбежным богат.

Из забытого дома
возвращаюсь домой —
всё мне в жизни знакомо...
Кроме жизни самой.

УСКОЛЬЗАЮЩИЙ СВЕТ

От жестокой и мутной житейской воды,
год за годом и день ото дня,
остаётся навязчивый привкус беды,
словно кто проклиняет меня.

Точно я, неизменной рукою ведом,
оставляю не жизнь за собой,
а побитый ветрами и брошенный дом
с покосившейся чёрной трубой.

Я не знаю, к какому исходу приду,
но в моём закоптелом окне
и за бедной мечтою о счастье, в бреду,
часто большее видится мне.

И тревожит не холод могильной плиты,
а души ускользающий свет
на пороге, быть может, такой темноты,
от которой спасения нет.

ТРЕВОГА

Даны мне мирские печали
и славы запретной вино,
а Слово, что было в начале,
прочсть никому не дано.

О чём же тревожусь тогда я,
когда в неземной тишине
поэзии немощь святая
дороже спасения мне?

НЕВЕДОМОЙ ДОРОГОЙ

Я иду неведомой дорогой,
не пытаясь в сторону свернуть,
мимо тех, кто в старости убогой
у обочин сели отдохнуть.
По пути встречаюсь с давним другом,
но не смею звать его с собой:
здесь никто не должен быть напуган
ни моей, ни собственной судьбой.
Тени лет чредой проходят мимо.
Я иду в безвестности земной.
Вот и та, что мной была любима,
но ещё не встретилась со мной.
Прохожу — в предчувствии развязки
успеваю вспомнить и узнать —
мимо детской старенькой коляски,
где меня укачивает мать.
Всё не так, как это раньше было!
И былой уверенности нет:
впереди не смерть и не могила —
только яркий нестерпимый свет!
И не страшно, подобравшись к краю,
заглянуть в грядущее окно,
где я вовсе и не умираю,
потому что нет меня давно.

КОГДА НЕ ПРИХОДИТ ПОДМОГА

Когда не приходит подмога,
не брошусь с тоски из окна,
решив, что прямая дорога
сквозь звёздное небо видна.

И так мы не раз пропадали
от пули, от водки, в петле,
но петь в кабале и опале
умели на этой земле.

И стыдно, сдружившись с бедою,
в чужом, безответном краю
выклянчивать лучшую долю,
оплакивать радость свою.

И совестно, да и не ново,
в зазнайки и выскочки лезть
тому, кто на русское слово
поставил и совесть, и честь.

И я не нарушу обета.
Не важно, что там впереди,
вот только б дожить до рассвета
и ночь эту вброд перейти...

НАВАЖДЕНИЕ

Окружённый сполохами древними
(или в явь мои сны облеклись?),
над продрогшими в поле деревьями
красный месяц подковой повис.

И уже на раздолье языческом
прозвучал над отчизной степной,
нарушая безмолвья владычество,
крик неведомой птицы ночной.

Я ли это иль предок забытый мой
с первобытной вдыхает тоской
воздух, дымом становищ пропитанный...
или это костёр за рекой?

Чьи-то тени ползут настороженно
вдоль оврага сквозь редкий туман...
Или всё, чему быть не положено,
распоясавшись, вводит в обман?

Где я? Кто я? Прикинулся чудищем
пень разлапый, иль чудище — пнём?..
Только звёзды и в прошлом, и в будущем
неподдельным мерцают огнём!

ЗАКЛАД

Тишину связав со словом,
а молчание — с судьбой,
буду жить в краю сосновом,
славить небо над собой.

Что случится, то случится,
я не бог земной стези;
чашу горя, жизнь-волчица,
если можешь — пронеси.

Если я чего-то стою,
если вскормлен был тобой,
вспрыснут мёртвою водою —
окропи водою живой!

Если я чего-то значу,
может, где-нибудь, хоть раз
кто-то обо мне заплачет,
искренне, не напоказ.

Сыном века простодушным,
оправдаю ли заклад?
Как сказал однажды Пушкин,
я обманываться рад.

ПЕРЕВАЛ

*... ищю не вашего, а вас.
Апостол Павел. 2 Коринфянам,
12, стих 14*

Всё ближе, ближе перевал.
Крутой подъём высок и труден
в страну, где смертный не бывал,
но час пробьёт — и все мы будем.
И некогда глядеть назад
с недоумением и испугом, —
не для того был Сын распят,
врагом возлюблен, предан другом.
Не для того среди порух,
под небом двух тысячелетий
к себе, на ощупь и на слух,
мы возвращаемся из нетей.
Какой же мы проспали дар,
какую пропасть миновали? —
За нами прошлого угар,
туман стоит на перевале.
Все тонет в пелене густой:
дворцы царей, земные лица...
Но сердце, ставшее звездой,
уже не может заблудиться!

СТРАННИК

На крутом подъёме или спуске,
покоряя новый перевал,
с языка небесного на русский
переводы он одолевал.

То себе казался мулом вьючным,
то теснину брал одним прыжком,
но нигде назойливым и скучным
не был день его в труде мирском.

И вместив, что в дымке открывала
и сулила за грядой гряда,
понял он: надёжного привала
на земле не будет никогда.

А язык, как повелось в народе,
доведёт, коль не попутал бес,
в нужный час и при любой погоде
до Москвы, до славы, до небес.

ПО КРАЮ

Пил, гулял, ходил по краю,
был с отребьем в кунаках,
сам не знал, во что играю,
думал, всё в моих руках.

А когда пришло похмелье —
ужаснулся, сжав виски:
ни бахвальства, ни веселья,
ни смятенья, ни тоски.

Будто безымянный кто-то,
безучастный и чужой,
завладел бесповоротно
моим телом и душой.

И врагу не пожелаю
я такое испытать.
Что посеял — пожинаю.
Как бы вновь собою стать!

Пил, гулял, ходил по краю,
все постромки развязав,
и не знал, что исчезаю
у себя же на глазах.

ИЗ БОЛЬНИЦЫ

В Барвихе свет, темно в Ильинском,
вагонный тамбур в полумгле.
И лбом прикинув к снежным брызгам
на чуть оттаявшем стекле,
блаженство — ни о чём не думать,
себя за слабость не казнить,
не знать, откуда ветер дунет,
не строить планы, — просто быть...
Открылись двери, и платформа,
как скатерть, под ноги легла
полоской белой в ночи чёрной...
Природы сон не помнит зла!
Молчат задумчивые сосны,
макушки тянут в небосвод,
дремучий пень порос коростой,
однако тужится, живёт...
Ещё не всё во мне утасло,
не всё помечено бедой.
Что ж, будем жить, крушеньям назло,
заботой сердца молодой.

ВСЁ ИЩУ

Наш язык — сырой песок и глина,
если высечь некому огня.
Сколько слов прошло порожних мимо
под рукой и сердцем у меня!

Всё кручу, кручу свой круг гончарный,
но учитель молчалив и строг:
полстолетья с гаком за плечами —
ничему не подведён итог.

Каждый день мой — чистая страница,
только этим молод я опять
и способен с прошлым примириться,
и меня оставивших понять.

Верю, снова будет мне опорой,
хоть по гроб я у неё в долгу,
красота безгрешная, с которой
всякий час я встретиться могу.

Принимая многое на веру
и к судьбе доверие храня,
всё ищу гармонию и меру
в каждой строчке прожитого дня.

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ

Как поэт всего хочу.
Мне и малое не мало:
друг похлопал по плечу —
как его недоставало!

Взглянет женщина, и я
воскресаю — много ль надо! —
не беда, что не моя,
мне достаточно и взгляда.

Деньги кончились — пустяк.
Всё имею, не имея,
и блаженствую без благ,
словно сказочный Емеля.

И лечу под облака!
Спросят: по какому праву?
Просто мне одна строка
удалась с утра на славу.

Я ГОТОВ

Забываю о жизни и смерти
и не знаю, молиться кому
в дорогие мгновения эти —
их умом я никак не пойму:
залетая незнамо откуда,
увлекая незнамо куда,
воспаряют слова из-под спуда
и ложатся на лист без труда.
В них так много нежданного света
и задора, грозящего тьмой!
— Ты готов заплатить за это
своей честью и жизнью самой?
Я готов, ибо сердце ликует.
И тоскует, когда в тишине
ветер этих мгновений не дует,
и слова замирают во мне...

НЕ ИСЧЕЗАЙ

Неиссякаем тревожащий нас изнутри,
всепроницающий и ускользающий свет.
Некогда Хлебников выдохнул: «О, озари!»...
«Не исчезай!» — через годы шепчу я в ответ.

Трудно сражаться с судьбою один на один
и воздвигать, не имея иного жилья,
мост над потоком несущихся бешено льдин,
дышащих ужасом мрака и небытия.

БЕССМЕРТНИК

Бессмертник мой, пускай темно, пускай!
Неприхотливый, радужный цветок,
хотя бы раз под вечер намекай:
никто из нас в труде не одинок.

Кусочек солнца в розовых лучах,
с каких незнамо сорванный полей,
ты на столе засох, но не зачах,
и о поре цветенья не жалея.

И я мудрей, спокойней, тише стал,
и мне размах и пышность не к лицу.
Я всё в себе расставляю по местам,
когда вернусь к Небесному Отцу.

ПЛАТ ПЕНЕЛОПЫ

Миновали дни потопа,
длится жизни маскарад.
Распускает Пенелопа
ожиданья вечный плат.
Вновь на спицы нижет петли,
нить бежит то вверх, то вниз...
— Неподкупная, помедли,
на мгновение очнись:
на исходе век двадцатый —
что нам странник Одиссей! —
все твердыни мира взяты
и в руинах Колизей.
Наше судно укачало
в буре Пирровых побед,
нет надёжного причала
и Итаки прежней нет. —
Но бессмертие царицы
возвестил поэт слепой,
и невидимые спицы
правят жизнью и судьбой.

ОДНИМ ДНЁМ

Вот и день уплыл куда-то
сквозь промытую листву,
обронив цветок заката
в омут ночи на плаву.

Жар полуденный, прохладу
заводных июльских гроз,
поклонясь земному саду,
без следа во тьму унёс.

И к моей прогулке поздней
не прибавив ничего,
растворился в дымке звёздной,
будто не было его...

Скоро я себя забуду
в этом безымянном дне,
да и он (к добру ли, к худу?)
станет безразличен мне.

Жизнь ещё перелистает
целый ворох дней иных
и в итоге не оставит
даже памяти о них.

И считает лишь утраты
календарный метроном.
Мы же днём одним богаты,
каждый раз рождаясь в нём.

И того не существует,
что проходит мимо нас,
и над миром торжествует
только вечное с е й ч а с!

Нет там имён забытых —
славны там общей славой.
Вся ты как вдох и выдох
в стройности величавой!

К ПОЭЗИИ

В грубых забавах века,
где процветает пошлость,
ты для меня проверка
веры моей на прочность.

Веры в живое слово
нашей былинной речи.
И с нетерпеньем снова
жду я с тобою встречи.

В путях мирского мрака
всходит поэтов племя.
Иго твоё мне благо,
радостно твоё бремя.

Я ведь не гость случайный
там, где на братском пире
ветер свободы тайной
веет на все четыре
стороны. Где за нашу
перед тобой поруку
мы круговую чашу
передаем друг другу.

ХУДОЖНИК

1

Я на высокий подвиг не помазан,
передо мной соблазнов череда,
и всё же я твоим глазам обязан
не только тем, что канет без следа.
Лукавства нет в их глубине бездонной,
зато лукавы внешние черты.
Я не рискну сравнить тебя с мадонной,
и на блудницу не похожа ты.
И может быть, как вздох перед молитвой,
от юных лет до крайнего штриха
вся наша жизнь — о верности забытой
и чистоте прекрасная тоска!

2

Всё строже кисть, всё реже я пасую,
на полотне подмен не избежав.
Что началось, пропасть не может всуе,
когда от сердца сделан первый шаг!
Да и какую ни возьми доктрину —
не нахожу я правды без прорех.
И мирозданья полную картину
нельзя представить, не впадая в грех.

И от своих затей не уклониться...
Куда ведёт бесследная тропа?
Всё ближе смерти белая страница,
всё тяжелей бессонница труда.

3

А ты, душа, молиться не устала? —
надёжен щит небесного устава,
и разум мой, бредущий наугад,
не помутился на пути возврата
к истоку, к Слову, к солнцу без заката,
по неизбежной лестнице утрат.
«Доверясь мне, не бойтесь измениться,
исчезновений призрачна граница», —
так говорю я на исходе дней:
моих ли, ваших — разве в этом дело, —
итог не страшен, если мысль доспела
до красоты и растворилась в ней.

СЛАВЯНСКОЕ СЕРДЦЕ

Славянскому сердцу все дали открыты!
Вражды ни к кому не питает оно.
Гуляет по свету без стражи и свиты,
всегда в неизвестное устремлено.

Славянское сердце не ищет покоя,
не в славе земной видит доблестный путь.
Оно возвещает геройство другое —
уменье без страха в себя заглянуть.

Его не смущают бывшие потери
и грозная милость провидческих снов.
Всё ждёт: ну когда же в него мы поверим
без ложных радений и выпранных слов.

Осторожной судьбою повязаны все мы,
но сердцу ни годы, ни власть не указ.
И всходят незримые миру посевы,
и молятся наши святые за нас!

СЛАВЯНСКИЙ РАЙ

Без тьмы не обратиться к свету.
И он на свет идёт сквозь тьму,
и даль благоволит к поэту,
но мало этого ему.

Он жаждет в слове с небом слиться
и в дружном хороводе звёзд
стать на мгновение, как птица,
что носит имя Алконост.

В размахе крыл полёт всесилен,
и радостью лучится лик.
Сестра печали вещей — Сирин,
её подруга и двойник.

И если верить песне старой,
что сохранил наш отчий край,
они дорогу знают в Арий —
славянский сладкогласный рай.

Там брат не точит нож на брата
и песни льются, как струи
небесных Волги и Ефрата,
смывая горести твои.

Туда, туда без промедленья!
И всё равно, какой ценой
платить придётся за мгновенья
необычайности земной.

КОРАБЛИ

Из Северной прародины¹, волшебной Край-земли,
не ведая уныния, крушений не страшась,
сказанья безымянные, как чудо-корабли,
плывут по морю вечному, опережая нас.

На белокрылом флагмане — Орфей и он же Яр,
свирель его настроена всегда на Божий лад,
в одеждах ослепительных, ни молод и ни стар,
в неведомое горнее стрелой направлен взгляд.

А мы, его причастники, куда плывём, куда?
Крапива разрастается на ближних берегах,
в затолах пни замшелые да мутная вода;
и даже воздух выдохся и плесенью пропах.

Пора, пора на волю нам, на заревой простор,
где травы дышат солнечным арктическим путём.
Неужто мы не поняли, ленивцы, до сих пор,
что без свирели Яровой себя не обретём?

В сомнениях, в безвестности, смиряя к славе прыть,
пройти небесным волоком немногие смогли,
но кто сумел управиться, тому и дальше плыть
за белокрылым флагманом до новой Край-земли.

---

¹Северная прародина или Край-земля (по греческой версии — Гиперборея) — легендарная цветущая страна славянских праотцев (прим. автора).

КОГДА ДУША СОЕДИНИТ

Когда душа соединит
в неравновесии покоя
сознание полугородское
и полудеревенский быт, —
вся жизнь покажется иной,
какой-то спайкой бестелесной
неотвратимости земной
с неуловимостью небесной.

Заслышав дальний перезвон
Преображения Господня,
с необъяснимым торжеством
запомнишь, как легко сегодня
печаль вечерняя легла
на день, что безыскусно прожит,
на всё, чего и быть не может,
когда молчат колокола.

РОДНЯ

Как Отец Небесный у всех один,
так земной отец у каждого свой.
И живёт в сыновьях единый Сын,
распинаемый на стезе земной.

За спиной отца — материнский вздох
и святая горечь слезы иной,
разделившей участь сирот и вдов
и связавшей всех нас одной виной.

У судьбы твоей как ни горек вкус,
как отечество своё ни кляни —
не расторгнешь этих надмирных уз
и родней не сыщешь себе родни.

Пусть к тебе любви не доходит луч,
пусть твой день невзгодами заслонён, —
разве солнце, скрытое за ордою туч,
заставляет нас сомневаться в нём?

ОПТИНА ПУСТЫНЬ

Нас убивают,
жить не дают —
не убывает
небесный уют.
Автоэпиграф

1. СТАРЕЦ АМВРОСИЙ

И шли к нему Толстой и Достоевский,
Леонтьев шёл из тьмы, и тьмы других...
На воздыханья и на ропот дерзкий
он оставался благостен и тих.
Не придавал учёности значенья,
всех окружал смиренной добротой.
В небесной жажде самоотреченья
одна любовь была его звездой.

2. РЕКА В ДЕТСТВО

Неугомонная Жиздра-река
у монастырского тихого взгорья
так же игрива, резва, глубока:
взору — веселье, и вере — раздолье!

Я не язычник, но радость полней
здесь от такого мирского соседства:
точно в воде, отражается в ней
неискушённая искренность детства.

3. ПАЛОМНИКИ

Путь от Козельска вплоть до Оптиной
лежит через сосновый бор.
Всё, что мы звать привыкли родиной
и что пустили под топор,
здесь оживает в сне молитвенном
уединённого скита;
по страстным кочкам и по рытвинам
сюда стремятся неспроста.
Издалека ударил колокол
за монастырскою стеной.
Мы плоть свою тащили волоком
вдоль Жиздры,
а душа стрелой
летела к радостной обители,
как будто знала наперёд:
мы в Оптиной не только зрители —
и послужить настал черёд.

4. У СКИТА

Дремучий скит среди столетних сосен
врачует душу, как и век назад.
Когда апостол старчества Амвросий
на небеса был милосердно взят,

его любви лампада не погасла,
она горит у этих скромных врат. —
Мы подаем послушнику на масло:
храни Господь тебя, пустынный брат.

5. В ХРАМЕ

Я сразу заметил с порога:
в убранстве церковных палат
ни пышности нет, ни намёка
на жизни бездомный закат.

А свечи — из чистого воска,
по цвету — варёный желток.
Священник читает не броско,
а так, как внушил ему Бог.

Притихла толпа у Креста,
и всё здесь смирением дышит.
Хоть совесть твоя не чиста —
молись! — и тебя Он услышит.

Под гимны церковного хора,
невидимым глазу лучом
пронзённый сквозь купол собора —
о чём Его просишь, о чём?

6. МОНАСТЫРСКИЙ САД

Двор монастырский усеян цветами.
Не обойди этот Божий цветник.
Не исцелённый годами скитаний
по закоулкам прославленных книг,
выбери лавочку в тихой аллее

и побратайся с июльским теплом.
Вот уже на сердце стало светлее,
вот уже стыдно вздыхать о былом.
Братия чинно гуляет по саду.
Здесь для паломников — подлинный дом.
Красит сестриц, проходящих в ограду,
белый платочек и длинный подол.
В келье цветочной тебе не прижиться,
но в одночасье забыть не дано
эти слезой просветлённые лица,
словно раскрытое настезь окно.
И, возвращаясь к исканиям старым,
ты разбазарить в пути не спеши
в Божьем саду обретенную даром
радость укромную кроткой души.

Как ученик великий Аристотеля
вонзал в песок усталое копьё...
Одна у нас, гиперборейцев, родина —
у каждого отечество своё.

ФЕССАЛОНИКИ

Июнь, жара и с моря ветер ласковый,
и я в толпе иголкою в стогу.
Салунь — так окрестила речь славянская
акрополь на эгейском берегу.

Мне по душе названье это зычное.
Развалин камни, своды базилик
хранят следы младенчества античного
и православья византийский лик.

Он за века не искажён мечетями,
хоть полумесяц правил здесь века.
И вот теперь меня с местами этими
соединила времени река.

Отдав поклон мощам святого Дмитрия,
стою, гляжу на город с высоты.
Морскою солью плоть его пропитана
и в синеве причалы и сады.

Июнь, жара — таким он мне запомнится,
об остальном прочту по облакам:
как римская здесь проходила конница
и как гулял турецкий ятаган.

СОЛНЦЕ ДВУХ НАРОДОВ

Не гаснет солнце двух народов,
не слепнут их поводыри.
Проказа войн и недородов
не источила изнутри
подвижников честное племя.
И над молитвами святых
не властны ни гроза, ни время,
и смерть проходит мимо них.

Плывёт в неизреченной думе
столетий грузный караван.
Бредут монахи из Салуни
с небесной азбукой славян.
А русский смотрит на дорогу
и видит византийский сон...
Единому причастны Богу
и наш, и греческий Афон.

ВОЛОГДА

По узкой Вологде, по русской Вологде
петляет теплоход, минуя мели.
Всего на день мы задержались в городе
и за день полюбить его успели.

Весь нараспашку лёг он, белокаменный,
передо мной при взгляде с колокольни,
и так вольготно рядом с облаками мне —
поднявшись к облакам, дышать привольней!

Что скрыл от мира легкокрылый Батюшков,
застыв у храма Александра Невского
на перекрёстке двух путей загадочных:
пути земного и пути небесного?

Куда теперь свои стопы направим мы?
Гостеприимству краткому обязаны
и суетой вокзальной не ограблены,
какими вас попотчует рассказами?

Вопросов воз — повременим с ответами:
душа терпенью у дороги учится,
жизнь задарма не делится секретами,
на то она и жизнь, а не попутчица.

КИРИЛЛОВ

Я стою у стены, у кирпичной стены
Белозерского монастыря,
и озёрные дали так ясно видны;
над водою, кругами паря,
чайки резвые тонкую ткань тишины,
как игой, прошивают на миг,
и опять только вздохи прибоя слышны, —
в синеве утопает их крик.

Я не знаю, какой его свет озарил
в час блаженный далёкой поры, —
за семь вёрст углядел преподобный Кирилл
это место с Мауры-горы.
Над обителью низкое солнце плывёт
в дымке радужной нового дня.
Этих стен, перешедших столетия вброд,
неприступна молитва-броня.

У ДИОНИСИЯ

По Бородаевскому озеру
плывёт рассвет ладьёю розовой,
и воздух в пору лета позднюю
прозрачно свеж, очищен грозами;
вдали луга в туман окутаны;
за монастырскою оградой
ударил колокол к заутрене,
жизнь обещающая беззакатную.

Когда-то фрески Дионисия
на стенах церкви в ФерAPONTOVE
рубцовскую строку возвысили,
а ныне я стою под сводами
незыблемого храма древнего.
Что пять веков столпотворения
для кисти трудника смиренного,
как поглядишь — одно мгновение!

Здесь и в природе слиты накрепко
сиюминутное и вечное.
С неторопливостью привратника
кивает мне берёза встречающая.
Порывом ветра благодатного
я занесён сюда, наверное...
И Север стал духовным братом мне,
сестрой — озёрная губерния.

МУЖИК ИЗ КАБАЧИНА

Зимой, один на всю деревню,
мужик судьбе бросает вызов.
От нескладухи повседневной
до срока почернел и высох.
Повеселей весной и летом —
брат навестит, сосед поможет;
а после всех как сдует ветром,
и снова по ночам тревожат
одни лишь кабаны да лоси.
Нет в мужике на жизнь обиды,
у Бога помощи не просит.
В глуши, затерянный, забытый,
придёт с мороза, бросит шапку,
возьмёт початую бутылку,
подкинет в печку дров охапку,
затянет, всем напастям в пику,
о Севере суровом песню,
на лавке захрапит спокойно
и не загнётся, хоть ты тресни,
от омерзительного пойла.
И так, один на всей планете,
живёт мужик, как марсианин...
Как знать, и за него в ответе
перед Всевышним мы предстанем.

ВЕНСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Утро играет дунайской волной,
в дымке всплывает собор остроглавый...
Не обошёл я тебя стороной,
город имперский с померкшею славой.
Походя наши скрестились пути,
ты приютил, но не дал мне покоя,
да и возможно ль его обрести,
не заплатив за признание такое!
Что здесь искал я, какая звезда
стала скитаний моих подоплёкой?
Чем поделюсь я с тобой и куда
ныне шагаю тропой одинокой?
Небо всё ближе. Смыкаются в круг
Венского Леса отроги немые...
Выпустил я и синицу из рук,
и журавля проворонил впервые.
Век на исходе. Мы все уже там,
где обнаружить себя не умеем,
вот и сидим по чужим городам
и предаёмся разгульным затеям.
Всё позабуду: кем был я вчера,
что мне сулила фортуна слепая;
всё перемелется — память хитра.
Радуйся, место другим уступая.
Недолговечнее пены морской

женская верность... но полно об этом, —
боль поутихнет и станет строкой.
Завтра домой отправляюсь с рассветом:
издали денно и ночью зовёт
голос моей бескорыстной державы.
Хватит для сердца и русских забот,
хватит для глотки и русской отравы.

ЕЩЁ ПОБУДЕМ

Яблони, каштаны, сливы зацвели...
Что ещё, приятель, ты от жизни ждёшь?
Жёны — не принцессы, мы — не короли,
ни на фунт геройства, славы ни на грош.

Опустились крылья и не зорек глаз,
и дрожит с похмелья твёрдая рука;
всё же кто-то светлый молится за нас
и благословляет на полёт пока.

И пока коптим мы этот белый свет,
он в ответ нам дарит вёсны и цветы.
Мы ещё добудем радости секрет,
мы ещё побудем с высотой на ты.

К ограде каменной, запретной
в пределах усовской версты,
к усадьбе, Вяземским воспетой,
приводят прошлого следы.

Жизнь в этой волости сосновой
текла обычной чередой,
когда готовился терновый
венец подвижнице святой.

И, видно, только небо знало
незримую событий суть,
что у последнего причала
суждён ей в шахту смертный путь.

У справедливости небесной
свои законы и права.
Я верю, воспарив над бездной,
она в успении — жива.

И в богородничных палатах
о всех, забывших долг и честь,
за всех, от крови бесноватых,
всчасно молится поднесь.

НОЧЬ РОЖДЕСТВА

Стоит бесснежная зима,
и Рождество — без снега,
но сердце не сковала тьма
бездомного ночлега.
Оно, равняясь на восход,
непринуждённо бьётся
и тишину живую пьёт
из звёздного колодца.
А звёзды в эту ночь-весну —
и в наши дни, и ранее, —
всегда приветствуют одну
на всеобщем стоянии.
И мы невидимым узлом
с варажей млечной связаны,
и под невидимым крылом
вновь не родились разве мы?
И затихают все ветра,
и каждому по вере
откроют ангелы с утра
невидимые двери...

---

¹Великая княгиня, сестра императрицы Марии Фёдоровны. После гибели мужа Сергея Александровича от руки Каляева в 1905 году постриглась в монахини. Основательница Марфо-Мариинской обители. Большевики казнили её, бросив в шахту. Православная церковь чтит её как святую преподобную мученицу Елисавету (прим. авт.).

И разгонит первобытный страх,
птичьим хором огласится лес,
и замру я, голову задрав,
перед этим чудом из чудес!

СОЛНЕЧНЫЙ ВОЛК

Не гляди на впалые бока —
волк матёрый славен худобой.
Я не стал мишенью для стрелка,
проходя охотничьей тропой.

И давно не вою на луну.
Поджидая медленный рассвет,
к звёздам свою морду я тяну,
солнечный вынюхиваю след.

Я и в стае одинок давно.
Что мне их погони и грызня!
Пусть природой так заведено,
да закон ли это для меня?

С виду тот же: лапы, шерсть, клыки.
Но никто моих не видел глаз
в час глухой, когда вокруг ни зги.
В вожденный предрассветный час.

В час, когда из пропасти ночной,
словно сквозь тысячетный гнёт
пробиваясь, вспыхнет надо мной
первый луч и сон веков спугнёт.

МАСЛЕНИЦА ИДЁТ!

Идёт Масленица по улице,
солнце несёт на блюде.
Полно ёжиться и сутулиться,
возвеселитесь, люди!

Масленица — ненапрасленица:
с водочкой да с блинами.
Как же тут не умаслиться,
не подобреть, земляне!

Как же тут, угощением
пузо набивши туго,
не попросить прощения
искренне друг у друга.

Мы не из тех, кто тянется
к чарке хмельной без повода:
зимушки-бесприданницы
нынче справляем проводы.

С горок потешных кубарем,
шапки долой и варежки!
Как тут, обнявшись с сударем,
не покраснеть сударушке.

Вáлит валóм и дразнится,
нам на забаву, люди,
Масленица-безотказница —
солнце блином на блюде.

Радуйтесь до усталости
миром разноязыким
Сырной седмицы шалостям
перед постом Великим!

МИМО СМЕРТИ

Путь земной, я верю, не напрасен,
не случаен всякий мой недуг:
Бог меня болезнями украсил,
и огонь в сосуде не потух.

О другой, неведомой отчизне
вижу я загадочные сны.
Смысла нет ни в той, ни в этой жизни,
если мы обеим неверны.

Этой жизни горькая подруга,
не ревнуй меня к любви той,
что однажды вырвалась из круга
и осталась вечно молодой.

Вот ещё одно тысячелетье
откатилось к берегу волной,
и Рыбак, забрасывая сети,
нам улов готовит неземной.

Он стоит на той и этой тверди,
утешая сбившихся с пути...
Если Жизнь проходит мимо смерти,
мимо жизни можно ли пройти!

В ЭТОТ МИГ

Как бывает свежо под утро
удивленье: ты есть, ты жив!
И находит слова попутно
захвативший тебя мотив.
Забываются все заботы,
крепнет звук, и, сливаясь с ним,
не возьмёшь ты фальшивой ноты
перед этим большим, одним,
искупительным, вольным вздохом...
Пусть багаж твой и невелик,
и растрочена жизнь по крохам,
но в безропотный этот миг,
даже если неуследим
от вершин до его подножий, —
всё равно для тебя един
мир — живой иероглиф Божий!

МОРОЗ

Люблю трескучий, яростный мороз!
Дружили с ним отец мой, дед и прадед.
Он пробирает, словно спирт, до слёз,
на перекуры времени не тратит.

Он гнёт своё, прогнозам вопреки,
и мне пример показывает в этом:
дерзай, крепись, от боли не беги,
коль ты посмел назвать себя поэтом.

Иду на вы и в шарф не прячу нос
назло ветрам и всем житейским стужам.
Меня к терпенью приучил мороз,
мне адвокат в людском суде не нужен.

Я гну своё, не глядя в польнью
грядущих дней: я жив сейчас, сегодня.
А сколько песен я ещё спою,
знать не дано — на то рука Господня.

К ЖИЗНИ

Гладишь по сердцу шершавой ладонью своей —
я благодарен за грубую нежность такую.
На переправе, с парома оставшихся дней,
с прошлым прощаясь, о большем просить не рискую.

В дольном пути неизбежном кто может помочь
страннику, что миротворцем прослыл неумелым:
ангел-хранитель, любимая женщина, дочь,
слово, зовущее к свету и ставшее делом.

Бледные ласки зари — первый день декабря.
Солнце лицом повернулось на север рассветный
и улыбнулось: «Пора поднимать якоря!» —
мир начинался с улыбки младенческой этой.

К АНГЕЛУ-ХРАНИТЕЛЮ

Мой ангел-хранитель, апостол добра,
над искренним словом склоняясь под вечер,
я верю, что солнце увижу с утра.
Да, верю. А больше похвастаться нечем.

А как замолчу — ты меня не оставь
и Богу представь мои скромные оды.
Коль здесь не прославлен — прости и прославь
в садах неизбежной и страшной свободы.

НА ИСХОДЕ

По долинам и по взгорьям...

Из песни

Повинуясь оставшимся зорям,
с неприкаянной верой в груди
по долинам страстей и по взгорьям
надо путь свой достойно пройти.

И понять, дотянув до заката,
на исходе последней строки:
за стихи не бывает расплаты,
потому что расплата — стихи.

ОДИНОКИЙ

Смотрит в небо одинокий —
и уже не одинок.
В дней стремительном потоке
жизнь читая между строк,
замечает то, что прочим
в спешке видеть не дано.
Ободрѣн Небесным Зодчим,
пьѣт смирения вино.

Нет ему иной подмоги!
Вечность мерит днѣм одним
многоокий одинокий —
всѣ живое иже с ним!

VITA NOVA

С милой женщиной разлука
после частых бурных встреч;
чистота и лёгкость звука,
не сгустившегося в речь;
и над книгою зевота,
и купание в реке,
и заката позолота
в беспричальном далеке;
благоклонное молчанье
звѣзд, светлеющий восток ...
Дни отрадного скучанья —
жизни новой обещанье,
пробуждения залог.

К ДУШЕ

Я бываю весёлым и грустным,
но всегда неизменен в одном:
говорю и молчу я на русском
и не мыслю себя на ином.

И с тобой, невидимкою, связан
чередой неразгаданных снов,
потому и трудиться обязан,
оттого и молиться готов.

А прервётся годов вереница —
в недоступном для слов далеке
пой, душа — упорхнувшая птица —
на присущем тебе языке!

ПРИ СВЕТЕ ФОНАРЕЙ

Две тени сопутствуют мне —
одна догоняет другую.
С одной я о прошлом толкую,
с другой — о неведомом дне.

Две тени мои на снегу,
одна из другой вырастая,
не могут сказать мне, куда я
иду, от кого я бегу.

Пустынно. Вокруг ни души.
Но кто-то без слов убеждает:
о том, что тебя ожидает,
узнать наперёд не спеши.

Сомненья оставь позади,
себя в заплутавших не числи,
и за поворотом от жизни
ничто, кроме жизни, не жди.

ЗЕМНОЕ СЛОВО

В судьбой ниспосланном труде,
как в песне недопетой,
меня тоска по красоте
вела по жизни этой.

Звала в глубины заглянуть
и дали открывала...
Уже немалый пройден путь
и сказано немало. —

А жизнь всё тот же тёмный лес.
И я пытаюсь снова
постичь грамматику небес
через земное слово.

ВОЛЕЙ ТВОРЦА

Всякое творчество — это забота о благе.
Значит, оно задушевно и богоугодно.
Слов ли созвездие ты доверяешь бумаге,
хлеб ли растишь, или кистью владеешь свободно,
или дитя на прямую выводишь дорогу, —
не перечислить всего, что свершаешь по праву
волей Творца, приближаясь к Нему понемногу,
кровью своей добывая небесную славу.

31 ЯНВАРЯ

Не с того ли, что в январскую пургу
родился я, холода мне не страшны?²
Как на лыжах, по судьбе своей бегу:
прямоком, по первопутку, без лыжни.

Разве страшен наш прославленный мороз,
загоняющий друзей моих под кров,
в этой жизни, продуваемой насквозь
чередой иных, неистовых ветров!

Александром я с рожденья наречён —
победитель! а кого мне побеждать?²
Разбери-ка тут попробуй что почём,
если жизнь в меня вошла по рукоять.

Побеждённый днём вчерашним, но живой,
просыпаюсь и иду на вы опять:
не пора ещё войскам трубить отбой,
есть ещё, что находить и что терять!

Вьюга белая в окне не белый флаг.
Сам себе и друг, и враг я, погляди:
моя крепость не сдаётся просто так —
не одно ещё сраженье впереди...

ЗАПРЕТ

Не давал я обет молчания
и не брал своих слов назад.
Не забвение и не отчаяние
языку немотой грозят.
Не усталость, не сытость праздная
смотрят в белую гладь листа.
Слово — Бог, и, однажды сказанное,
замыкает мои уста.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	3
----------------	---

К РОССИИ

Я вижу.....	7
Забывтый край.....	8
Верю.....	9
Русское лихо.....	10
Родина.....	11
Она молчит.....	12
В песенной заботе.....	13
Наш путь.....	14
Отрывок.....	16
В маленькой комнатке.....	18
Утро на оке.....	19
Творцы истории.....	20
Правдопытатели.....	21
Русский самурай.....	22
Прощение.....	24
Ответ.....	25
Моя Россия.....	26
Орфический огонь.....	27
Защитникам отечества.....	28
Русский мир.....	29
Остров Крым.....	31
Крещенская вода.....	32
Небосвет.....	33
Под солнцем России.....	34
Сретение.....	35

К ЖЕНЩИНЕ

В этой жизни.....	39
Ты знала.....	40
Другое тепло.....	41
Единственная.....	42
В нашей келье.....	43

Под фугу Баха.....	44
Свитезянка.....	45
«Из царства закамористых коряг...».....	45
«Сквозь сон редующих стволов...».....	45
«А на закате мы уехали...».....	46
Осенняя любовь.....	48
Возвращение.....	49
Испытание.....	50
Оправдание.....	51
Между землёй и небом.....	52
Близость.....	53
«Нам в объятых не до сна...».....	53
«Близость — венец слияния...».....	53
«Когда с тобой сливаюсь я...».....	54
«Тайна тесного слиянья...».....	54
Так бывает.....	55
Пока мы дышим.....	56
Глаза женщины.....	57
Достоверность.....	58
Амфора.....	59
Нас простят.....	60
Белые вороны.....	61
Пушкинский вопрос.....	62
Попытка романа.....	63
Воздух мая.....	64
Ты увидишь.....	65
Ноктюрн.....	66
Букет.....	67
Наша пристань.....	68
За весной.....	69
К женщине.....	
«Все женщины по праву несравненны...».....	70
«Во многих лицах — мать, сестра, супруга...».....	71
Приворот.....	72
Без любви.....	73

НАЕДИНЕ С ПРИРОДОЙ

Утешение.....	77
---------------	----

На Яхроме.....	78
Загородная элегия	80
Мой посёлок.....	81
Рассветное.....	82
Благодарение.....	83
Нездешняя прогулка.....	84
Моему саду.....	85
В своём кругу.....	86
Сосны.....	87
На языке капели.....	88
Бабочка июня.....	89
Бабочка ноября.....	90
Муха.....	91
Улитка.....	92
Усовская элегия.....	93
Осеннее.....	94
Снег тишины.....	95
Мы будем все занесены	96
Заклинание.....	97
Добрый леший.....	98
Девушка-речка.....	99
Привкус детства.....	100
Половодье.....	101
Август.....	102
Ночное небо.....	103
Шёл снег.....	104
Провожая птиц.....	105
К солнцу.....	106
Милой горожанке.....	107
Единство.....	108
Глазами сердца.....	109

РОДИТЕЛЯМ, НАСТАВНИКАМ, ДРУЗЬЯМ

Матери.....	113
Отец.....	114
На той войне.....	115
За отца.....	117
Бабушка Анна.....	118

Мать и отец.....	119
Осенняя ночь	
«В тишине густой и ровной, как стоячая вода...».....	120
«Лёгкий шорох падающих листьев...».....	120
Письмо.....	121
Невозвращенец.....	123
Наш враг.....	124
Восходящие	
«Всё глуше молитвенный гул голосов...».....	125
«Вы свято храните свой шаткий уют...».....	125
«А вы о нас забыли...».....	126
Друзьям.....	127
Всё тот же свет.....	128
Давнему другу.....	129
В берёзовой роще.....	130
Скажи.....	131
Давно пора.....	132
Не забудем.....	133
Он написал.....	134
Уход.....	135
Ты в вечность ушел.....	136
Его звезда.....	137
Учитель.....	138
Тютчевская осень.....	139
Молюсь за вас.....	140
Заповедное застолье.....	141

К ЖИЗНИ

Ветер жизни.....	145
Ускользящий свет.....	146
Тревога.....	147
Неведомой дорогой.....	148
Когда не приходит подмога.....	149
Наваждение.....	150
Заклад.....	151
Перевал.....	152
Странник.....	153
По краю.....	154

Из больницы	155
Всё ищю	156
Нечаянная радость	157
Я готов	158
Не исчезай	159
Бессмертник	160
Плат Пенелопы	161
Одним днём	162
К поэзии	164
Художник	
«Я на высокий подвиг не помазан...»	166
«Всё строже кисть, всё реже я пасую...»	166
«А ты, душа, молиться не устала...»	167
Славянское сердце	168
Славянский рай	169
Корабли	171
Когда душа соединит	172
Родня	173
Оптина пустынь	
1. Старец Амвросий	174
2. Река в детство	174
3. Паломники	175
4. У скита	175
5. В храме	176
6. Монастырский сад	176
Фессалоники	178
Солнце двух народов	180
Вологда	181
Кириллов	182
У Дионисия	183
Мужик из Кабачина	184
Венская элегия	185
Ещё побудем	187
Другая Рублёвка	188
Елизавета Фёдоровна	
«Белый ангел Москвы...»	189
«К ограде каменной, запретной...»	190
Ночь Рождества	191
Солнечный волк	192

Масленица идёт!	194
Мимо смерти	196
В этот миг	197
Мороз	198
К жизни	199
К ангелу-хранителю	200
На исходе	201
Одинокий	202
Vita nova	203
К душе	204
При свете фонарей	205
Земное слово	206
Волей Творца	207
31 января	208
Запрет	209

Александр Сорокин-Ильинский^е
(Александр Евгеньевич Сорокин)

К ЗЕМЛЕ НЕБЕС

Сдано в набор 03.07.2016. Подписано в печать 04.07.2016.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Academy».

Печать офсетная. 13 уч. изд. л. Тираж 999 экз.

ООО «Научно-издательский центр «Академика»

127254 Москва, ул. Гончарова, д. 15

Отпечатано в ООО «ТР-принт»

www.tirazhi.ru